

Жоккенхайтска я ведьта

В. Конофальский

18+

Путь инквизитора

Борис Конофальский

Хоккенхаймская ведьма

«Автор»

2019

Конофальский Б.

Хоккенхаймская ведьма / Б. Конофальский — «Автор»,
2019 — (Путь инквизитора)

ISBN 978-5-17-137114-2

Дело, которое предложил барон Волкову, ему сразу не понравилось. Первое предложение кавалер отклонил, но барон не отступил, обещал золотые горы. Такие золотые, что отказаться было невозможно, ещё и денег вперёд дал. Рыцарь нехотя взялся за дело и поехал в город, где его ждали новые неприятности.

ISBN 978-5-17-137114-2

© Конофальский Б., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	44
Глава 9	51
Глава 10	58
Глава 11	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Борис Конофальский

Хоккенхаймская ведьма

Инквизитор
Хоккенхаймская ведьма

Глава 1

Дороги вымерзли, сплошной лёд, а Брюнхвальд торопился, лошадей купил кованых плоскими, старыми подковами. Поэтому лошадей не гнали, чтобы ноги им на льду не переломать. Ехали медленно. Волков кутался от холодного ветра в свой старый плащ, толстый и тёплый, и подшлемник с головы не снимал. Перчатки ещё от дела в Фёренбурге у него остались, но руки в них мёрзли. Тонкие больно они были.

Зима была холодной настолько, что даже большая река, которая катилась с юга, у берегов обмёрзла. Вода в ней ледяная, тёмная.

Монахи сидели в возах, кутались в рогожи и одеяла, всё равно мёрзли, носы у всех синие. Кавалер невольно усмехнулся и подумал, что если бы святые отцы вылезли из телег и пошли, как шли за телегами солдаты, таща на себе доспех и оружие, что в обоз не влезли, то, может, и не мёрзли бы так. Нет, эти не вылезут, простые братья, может, так и сделали бы, но в возах ехали непростые монахи.

В возах ехал Трибунал Святой Инквизиции славной земли Ланн и славной земли Фридланд.

И ехать им ещё было до вечера, вряд ли они дотемна успеют в Альк. Самому кавалеру дорога давалась тоже трудно. Но не из-за холода, к холоду и голоду за двадцать, без малого, лет солдатской жизни он привык. А вот рана, полученная летом в поединке с одним мерзавцем, так и не зажила до конца. Синее тугое пятно на левой ноге выше колена не давало ему жить спокойно. То ли от долгой дороги, то ли от холода ногу крутило и выворачивало. Не то чтобы боль была сильной, просто была бесконечной. Начиналась она, как только он садился в седло, и медленно, как холодное пламя, нарастала к концу дня, выматывая его до состояния тупого отчаяния к вечеру. Стыдно сказать, но прошлым вечером ему помогали слезть с коня слуга Ёган и юный оруженосец Максимилиан. А он едва мог наступить на ногу. И все: и солдаты, и монахи это видели. Вот и сейчас, когда день уже покатился под гору, кавалер растирал и растирал больную ногу, да всё без толку. Эту боль могла унять только одна девочка. Косоглазая и умная Агнес. Только она могла положить на больное место свои руки с некрасивыми ногтями и, пошептав что-то богомерзкое, отогнать боль, загнать её глубоко внутрь тела. Но она осталась в Ланне, кавалер не решился взять её с собой сопровождать Святой Трибунал, особенно после того, что увидел у неё на крестце под юбкой. А она бы сейчас была очень кстати.

Волков вздохнул, съехал на обочину и остановил коня, жестом дал знак оруженосцу с его штандартом и слугам, Ёгану и Сычу, ехать дальше, сам стал пропускать колонну вперёд.

К нему подъехал Карл Брюнхвальд, ротмистр глянул на кавалера, сразу догадался и спросил:

– Рана вас изводит?

Борода наполовину седая, виски тоже, не мальчик он, но двужильный какой-то. Без шапки, без перчаток. Под кирасой стёганка и всё. И холод ему нипочём. Только уши красны. И усталости ни капли.

– Нет, – соврал Волков, – рана ни при чём. Думаю, где вашим людям денег найти, у меня нечем им платить. Только надежда на попов, что они найдут богатого колдуна.

– Мои люди в вас верят, говорят, Иероним Инквизитор удачлив. Значит, деньги найдёт. – Брюнхвальд смеётся.

– Они меня зовут Иероним Инквизитор? – Удивился Волков.

– Да, они же знают, что вы сожгли чернокнижника, что будил мертвецов в Фёренбурге. Так вас и зовут с тех пор Инквизитором. – Он чуть усмехнулся, наклонился к Волкову и добавил негромко, – а ещё они говорят, что вы и сами знаете с колдовством.

– Что за дурь? С чего бы мне знать с колдовством? – Кавалер даже опешил немного.

– Солдаты – люди простые, говорят, что не могли вы с людишками Пруффа одолеть самого Ливенбаха. Да ещё богатств столько взять в городе. Не иначе то было какое-то колдовство.

Волков даже престал мёрзнуть, смотрел на Брюнхвальда с каплей раздражения. И головой дёрнул, словно отгонял что-то от лица. Глупость говорил ротмистр.

– Солдаты – люди простые, – продолжал Карл беззлобно, опять усмехаясь, – лично я так не думаю.

– Подгоните людей, – сухо произнёс Волков, – нужно успеть дотемна в Альк.

– Да, ночевать в поле не хотелось бы. – Карл Брюнхвальд прищипорил коня и поехал подгонять солдат.

А кавалер ещё постоял на обочине, растирая больную ногу и думая, что правильно не взял с собой Агнес. Разговоры солдат ему очень не понравились.

А может, и зря не взял. На ветру ледяном ещё и плечо левое заныло, он уж про него забывать стал, а тут на тебе. Эх, хорошо было бы вернуться в Ланн, в тёплый дом, под перины к Брунхильде. Да пока нельзя. Никак нельзя.

Альк показался огнями, когда уже темно стало. Хорошо, что постоялый двор был на самом въезде в городок. Двор не имел названия, но был большой. Все лошади и подводы без труда уместились на дворе. Ёган и Сыч снова помогали кавалеру слезть с коня. Опять все смотрели на это. Опираясь на Ёгана, он прошёл в трактир, там, у стола, разделся, Ёган нашёл табурет, чтобы он мог снять сапог и положить на него ногу. Пришёл брат Ипполит, принёс попробовать новую мазь. Тут и хозяин трактира пожаловал, был он, видно, в отлучке, а, увидав столько постояльцев, прибежал выяснять, кто главный и, кто за всех будет платить. Звали хозяина Фридрих, был это мужчина крупный и сильный, может, в городе имел влияние, Волкову он кланялся не очень учтиво, святым отцам, что уселись за другой стол, так и вовсе не поклонился, только глянул на них мельком. Немудрено, они были в простом монашеском платье, не Бог весть какие знатные попы.

– Господин мой, – начал он громогласно, – а что ж люди ваши в конюшнях моих спать собираются что ли?

Кавалер хотел ответить, что в покоях им спать дорого будет, но хозяин трактира продолжал:

– А лошади ваши на моём дворе стоять будут, платить за них вы собираетесь, а навоз кто будет убирать? И подводы ваши ещё место всё заняли. И солдатня ваша костёр жечь собирается, дрова у меня воруют. А то, у кого же? Других-то дров тут нет. Как всё это считать будем?

Говорил он не то, чтобы дерзко, но неучтиво точно, почти как с ровней.

Волков уже хотел осадить наглеца, да не успел, за него Ёган заговорил, стал вровень с мужиком, он и сам был не меньше его и говорил тому с ехидцей:

– Ты бы, дядя, прежде чем лай поднимать, хоть узнал бы, кто у тебя на дворе стоит, а то, не ровен час, в трибунал тебя потащат за грубость твою и неучтивость.

– Чего? – Бурчал хозяин трактира, но уже не так, чтобы совсем неучтиво.

– Чего-чего, того, – встрял в разговор Сыч, – перед тобой, дурья башка, сам кавалер Иероним Фолькоф, рыцарь божий, Хранитель Веры и охрана Святого Трибунала Инквизиции.

Если имя кавалера, может, и не произвели на трактирщика впечатления, то последние слова он явно отметил. Повернулся к столу, за которым сидели попы, и поклонился им, на этот раз так, как подобает, низко. Отец Николас благословил его святым знамением и улыбался благосклонно.

А отец Иона увидел мальчишку трактирного и поманил его к себе:

– Сын мой, а подай-ка нам колбасы, есть она у вас здесь?

– Есть, господа. Кровяная, ливерная и свиная, и сосиски есть. И бобы, и горох есть. Что нести вам?

– Вели повару, – говорил отец Иона, – пусть пожарит нам кровяной, нарежет кругами, и чтобы с луком жарил, и лука не жалел. И пиво принеси. И хлеба.

Тут к монахам подошёл сам хозяин Фридрих, ещё раз поклонился и сказал:

– А будет ли достойна святых отцов свиная голова к их столу, печёная с чесноком, мозгами и кислой капустой.

– Достойно, достойно, – кивал отец Иона, и остальные отцы вторили ему согласно. – Путникам в тяжком пути сие очень достойно и полезно.

– Сейчас подадим. И пива подадим самого тёмного, – обещал хозяин.

– Трактирщик, – окликнул его Ёган, – а господину моему надобно кресло, чтобы у очага сидеть.

– Сейчас вам принесут, – обещал трактирщик уже совсем другим тоном.

– И ванная на завтра, ему раны греть, – добавил брат Ипполит.

– А к креслу подушки ему дай, – добавил Ёган.

Хозяин поджал губы, но перечить не посмел, поклонился только.

У кавалера то ли от тепла, то ли от мази монаха начала сходить боль в ногу. А ещё он поразился, что не пришлось ругаться с трактирщиком самому, не ровня он ему. Пусть со слугами его лаеся.

Он сидел у очага, в кресле с подушками, и ел, Ёган ему помогал, еда была отличной, а пиво тёмным и крепким.

И тут не дождавшись, когда он с едой покончит, к нему подошёл один из младших монахов-писцов протянул бумагу:

– Вам, господин, завтра после рассвета нужно будет зачитать это на самом большом рынке и у самой большой церкви. А потом нужно будет найти бургомистра или старосту и вытребовать нам большое здание, и чтобы жаровни с дровами были. И дров чтобы побольше. Коли сами прочесть не сможете, я пойду с вами.

Волков вытер рот и руки салфеткой, бросил её Ёгану, взял бумагу, прочитал быстро, что в бумаге писано было, и сказал:

– Нет нужды в тебе, сам прочту.

Монах пошёл за свой стол есть свиную голову, а кавалер сказал слуге:

– Пойду спать, помоги раздеться, а потом скажи трактирщику, чтобы будил нас на рассвете.

Морозным утром, сразу после рассвета, они приехали на рынок. Хоть и недозволенно решением магистрата верхом на рынок въезжать, никто не посмел их остановить, мало того, от бургомистра пришёл мальчик с трубой, обещал, что бургомистр и сам придёт. А потом стал, что есть сил, дуть в трубу. Так звонко дул, что Сыч морщился, обзывал его дураком, а мальчишка всё равно дул, чтобы люди собрались.

Люди собрались во множестве, стали вокруг них, стояли, тихо переговаривались в ожидании плохих новостей. И тогда кавалер развернул бумагу и, что есть силы, громко стал читать:

– Честные люди Алька и гости, те, кто ходит к причастию и верит в непогрешимость Папы, я, рыцарь божий, Иероним Фолькоф, велением архиепископа Ланна, да продлит Господь его дни, прибыл сюда, чтобы сопровождать Святой Трибунал Инквизиции и карать ересь и колдовство. И говорю всем от лица Святого Трибунала. Пусть те, кто занялся с Сатаной, читал чёрные книги, ворожил во зло другим или себе в добро, и те, кто отринул от себя Святую Церковь нашу и впал в блуд реформации, пусть придут до завтра, до конца обедни, к главному в городе храму Господню, и пусть раскаются. И тогда прощены будут. И лёгкой епитимьей искуплены будут. А коли они не придут и не раскаются сами, то взяты будут неласково и

держат их будут в железе, и над ними будет учреждено расследование. И епитимья будет им нелёгкой. Так же! Коли честный человек города, кто знает про тех, кто знает Сатаной, или чтит недобрые книги, ворожит и подлости праведным людям колдует, так пусть про того придёт и скажет до конца обедни, что завтра. И тому будет десятина от имущества злого человека. Так же! Кто скажет про того, кто хулу на Церковь и Папу говорил, или говорил и подбивал на иконы плевать, и не чтить святых отцов, кто других склонял к подлости ереси, кто про такого скажет завтра до конца обедни, тому будет десятина от имущества злого человека. Да пусть так и будет от имени Господа.

Кавалер снял подшлемник и перекрестился. За ним крестились и Брюнхвальд, и Максимилиан, и Ёган, и Сыч, и даже мальчишка-трубач быстренько осенил себя, раз уж все крестятся. А за ними стали креститься и все люди на рыночной площади, стягивая с голов уборы.

– Где у вас тут главная церковь? – Спрашивал Ёган у ближайших мужиков. – Нам ещё там читать надобно.

Те услужливо указывали нужную сторону и предлагали проводить.

Они поехали к церкви, а люди на рынке не расходились, с трепетом и благоговением говорили о Трибунале, говорили о колдунах и еретиках. Стали вспоминать слова, что говорил рыцарь божий, и о его щедрых посулах, и думать, кто у них в городе есть такой, за кем Трибунал мог приехать. Люди вели себя смиренно и чинно, не то, что до приезда Трибунала. Никто не лаялся, не грозился, и торговались все без ругани. Тихо стало на рынке.

У церкви читать сам бумагу он не стал, ещё на рынке охрип, отдал её Максимилиану. Мальчишка передал штандарт кавалера Сычу, чтоб держал, сам взял бумагу и стал читать громко и звонко, так, что люди стали из храма выходить смотреть, что происходит. Волкову нравилась, как он читал. Максимилиан уже дошёл до посулов, когда кавалер увидел хлипкого человека в мехах, в чёрных чулках на худых ногах, и дорогих туфлях, и в берете. Человек торопился к ним, скользя по льду дорогими туфлями. За ним, также скользя и чуть не падая, торопился второй человек, не такой богатый, как первый. Второй нёс кипу бумаг и переносную чернильницу с перьями. Первый остановился в пяти шагах от всадников, кланялся, не зная, к кому обратиться.

– Что вам угодно? – Спросил Волков, отвечая на поклон, но не так чтобы уж очень вежливо, и с коня не слезая.

– Моё имя Гюнтериг, – заговорил человек в мехах, – я бургомистр и голова купеческой гильдии города Альк.

– Моё имя Фолькоф, я рыцарь божий и охрана Святого Трибунала.

– Очень рад, очень рад, – кланялся снова бургомистр, но в лицо рыцарю не смотрел, на коня смотрел, будто с ним разговаривал. – Я так понимаю, что вы сюда приехали чинить дознание.

– Да и от вас нам потребуется место, место хорошее, для проведения дознаний.

– А аренду... – Начал было Гюнтериг.

– Нет. Никакой аренды Святая Инквизиция не платит. – Пресёк эти разговоры Волков. – Мало того, холодно у вас, нужны будут жаровни и дрова. Дров нужно много. Святые отцы-комиссары не любят мёрзнуть.

– Значит, и дрова за счёт казны? – Понимающе кивал бургомистр.

– Так же нужно будет место в вашей тюрьме для задержанных и прокорм им. А ещё нужен будет палач и два подручных.

– Всё за счёт города? – Огорчённо уточнил господин Гюнтериг.

– Всё за счёт города. – Подтвердил кавалер. – Во всех тратах я подпишусь.

– Конечно, конечно, – снова кивал бургомистр.

– Господин, – вдруг заговорил спутник бургомистра, – дозволейте сказать.

Бургомистр и кавалер уставились на него в ожидании.

– Дозвольте сообщить, что палачей у нас сейчас нет. Один уехал сына женить в деревню, а второй лежит хворый уже месяц как.

– И что же делать? – Сурово спросил Волков.

Бургомистр и его человек тихо посоветовались, и бургомистр сказал:

– Жалование нашим палачам сейчас не платится, мы на это жалование попытаемся взять палачей из соседних городов.

К этому времени Максимилиан уже закончил чтение, и собравшиеся вокруг люди прислушивались к разговору городского головы и какого-то важного военного про палача.

– Господин, – заговорил Сыч, – коли будет жалование, то и искать никого не нужно, я сам поработаю за палача.

– А ты справишься? – Спросил Волков.

Сыч только хмыкнул в ответ:

– Да уж не волнуйтесь, справлюсь с Божьей помощью. Хоть дело и не простое.

– Вот и хорошо, – обрадовался бургомистр. – И искать никого не нужно. А утром всё будет готово. И дрова, и жаровни, и печи завезём.

– Вот и славно, – произнёс Волков. – Только не забудьте, господин Гюнтериг, отцы-комиссары тепло любят, привезите дров побольше. Пусть будет воз.

Бургомистр и его спутник вздыхали, но кланялись низко. Кто ж захочет перечить Святому Трибуналу.

Глава 2

Отец Иона совсем не походил на главу комиссии Святой Инквизиции. Прелат-комиссар, разве такой должен быть? Тучен он был чрезмерно и на лик добр, и мягок в обхождении. А тучен он был настолько, что, даже когда садился в телегу, просил себе скамеечку, сначала лез на скамеечку и уж потом падал или плюхался в телегу, а там долго ворочался, не мог совладать с тучностью своей и усесться, как подобает святому отцу. И вылезал из телеги он тяжело, причём другие отцы тянули его за руки, при этом усилия прилагали видимые. На радость солдатам, которые на то прибегали смотреть.

– Два беса страшны мне, – жаловался отец Иона смиренно, – за них и спросит с меня Господь, и нечего мне будет ему ответить, потому как нет молитв у меня против этих двух злых бесов. Одного из них зовут Чревоугодие, а второго Гортанобесие.

Съесть отец Иона мог как трое крепких людей. И оттого звучно и подолгу урчало чрево его, и иногда не сдержавшись, неподобающе сану своему, громко пускал он злого духа. Так что все слышали вокруг. От того и нахальники-солдаты за глаза прозвали его Отцом-бомбардой. Насмешники, подлецы.

Отец Иона страдал животом каждое утро, и подолгу сидел в нужнике. Но все ждали его безропотно, ибо этот тучный монах был прелат-комиссаром Святого Трибунала по всей земле Ланн и по земле Фринланд, а также и в выездных комиссиях во всех епископствах по соседству, которые своего Трибунала не имели. И имел он от всех большое уважение, так как за долгие годы служения своего отправил на костёр сто двадцать шесть ведьм, колдунов и еретиков, не раскаявшихся. А тех, кто покаялся и принял епитимью тяжкую и не очень, и не сосчитать было.

В то морозное утро Волков и люди его как обычно долго ждали, пока отец Иона облегчит себя от обузы чрева своего и сядет в телегу. И поехали они тогда к городскому складу, хранилищу, который купцы арендовали под ценный товар. Там и стены, и двери были крепки, и вода туда не попадала, и крыс не было, а на небольших окнах под потолком имелись железа от воров. С утра люди из магистрата растопили очаг, ставили там жаровни с углями, печи и когда приехали святые отцы, то в помещении было уже не холодно.

– Лавки хорошие, – говорил отец Иона, оглядываясь.

– Хорошие, хорошие. – Вторили ему отцы Иоганн и Николас.

– И столы неплохие, – продолжал осмотр отец Иона.

– Да-да, неплохие, ровные, струганные, писарям будет удобно. – Соглашались монахи.

– И свечей хватает, и тепло, вроде, всё хорошо, – резюмировал толстый монах. – Давайте, братья, рассаживаться.

Все монахи-комиссары уселись за стол большой, монахи-писари садились за столы меньшие.

– Братья мои, наверное, все поддержат меня, если я скажу, что бургомистр Гюнтериг честный человек, и он старался для Святого Трибунала.

– Да, мы видим его старания, – говорили монахи. – Честный человек, честный.

Бургомистр Гюнтериг кланялся чуть не до каменного пола.

– Ну что ж. Если до первого колокола заутрени, никто с раскаянием не придёт, – продолжал брат Иона, – инквизицию можно будет начинать.

– Так был уже колокол. – Напомнил брат Иоганн. – Ещё как мы сюда приехали, уже колокол был.

– Братья, так кто у нас в этом городе? – Вопросал прелат-комиссар.

Один из писарей вскочил и принёс ему бумагу.

– Так, – начал он, изучая её. – Гертруда Вайс. Вдова. Хозяйка сыроварни. Есть у вас такая, господин бургомистр?

– Вдова Вайс? – Искренне удивился бургомистр. – Неужто она ведьма?

– А для того мы и приехали, чтобы узнать, на то мы и инквизиция. В бумаге писано, что вдова эта губит у людей скот, наговаривает болезни детям и привораживает чужих мужей.

Бургомистр, может, и хотел что-то возразить, да не стал. Удивлялся только, глаза в сторону отводил.

– Господин кавалер, – продолжил отец Иона, – коли не пришла она сама с покаянием, так ступайте вы за вдовой Вайс. Приведите её сюда.

Волков только поклонился и пошёл на выход.

Женщина стала белой, стояла она во дворе своего большого дома, с батраком говорила и замерла, замолчала на полуслове, когда увидела кавалера и солдат, что входили во двор. Во дворе пахло молодым сыром, было прибрано. И батрак был опрятен. Сама же женщина была немолода, было ей лет тридцать пять или около того, чиста одеждой, не костлява и очень миловидна. Чепец белоснежный, фартук свежий, доброе платье, чистое, несмотря на холод, руки по локоть голые, красивые.

Глаза серые, большие, испуганы.

– Ты ли Гертруда Вайс? – Спросил кавалер, оглядываясь вокруг.

– О, Дева Мария, мать Божья, – залепетала женщина, – добрый господин, зачем вы спрашиваете?

– Отвечай, – Волков был холоден. – Ты ли Гертруда Вайс?

– Да, добрый господин, это я. – Медленно произнесла женщина. – Но что же вам нужно от меня?

– Именем Святого Трибунала, я тебя арестовываю. – Кавалер дал знак солдатам. – Возьмите её. Только ласково.

Двое солдат с сержантом подошли, взяли её под руки, повели к выходу со двора, а женщина лепетала, всё пыталась сказать кавалеру:

– Да отчего же мне идти с вами? Добрый господин, у меня сыры, куда же я. У меня сыновья. – Она не рыдала, говорила спокойно вроде, только по лицу её текли слезы, и была она удивлена. – Коровы у меня.

Волков глядел на неё и вспоминал ведьму из Рютте, страшную и сильную, когда та говорила, крепкие мужи в коленях слабели. Та железа калёного не боялась. Смеялась ему в лицо. А эта... Разве ж она ведьма? Эта была похожа на простую перепуганную женщину.

Максимилиан помог сесть ему на коня, и тут из ворот выскочил мальчишка лет шестнадцати, он кинулся к Волкову, но Максимилиан его оттолкнул, не допустил до рыцаря:

– Куда лезешь?

– Господин, – кричал мальчишка, не пытаясь более приблизиться. – Куда вы уводите маму? В чём её вина?

Кавалер не ответил, тогда мальчишка кинулся к матери, которую солдаты усадили в телегу, и даже накрыли рогожей от ветра, но и солдаты его грубо оттолкнули, он повалился на ледяную дорогу, а мать его завывала по-бабьи протяжно.

Смотреть и слушать все это Волкову не хотелось, он тронул коня шпорами поехал вперёд.

Когда вдову везли по городу, стали собираться люди, кто с радостным возбуждением шёл, за телегой, кто с удивлением, а кто и плевал во вдову. Поносил её злым словом. А кто-то и кинул в неё ком грязи ледяной.

– Прочь, – рывкнул на людей кавалер, – прочь пошли, идите, работайте лучше.

– Так она ж ведьма! – Крикнул молодой парень.

– Не тебе решать кто ведьма, Святой Трибунал решит, а пока она не ведьма, господин Брюнхвальд, если кто будет злобствовать, того в плети.

– Разойдись, – заорал Брюнхвальд, доставая плеть, – сечь буду.

Народ больше не злобствовал, но так и шёл за телегой, до самого склада.

Глава 3

Отец Николас встретил его у дверей, бодрый и радостный увидел ведьму – заговорил:

– Привезли? Какова! Ишь, глянь-ка на неё, и красива ещё.

Он прямо-таки хотел начать побыстрее.

– Думаете, она ведьма? – Спросил кавалер, скидывая плащ и стягивая перчатки.

– Посмотрим-посмотрим, – улыбался монах, – а как вы думаете, раз пригожа и красива и на вид благочестива – значит не ведьма?

Волков пожал плечами, ну ни как он не мог поверить, что эта перепуганная до смерти женщина зналась с Сатаной.

Гертруду Вайс вывели в центр зала, поставили перед большим столом, за которым сидели святые отцы. Позади её была скамейка, но сесть ей не дали. Молодой монашек писарь, положил пред отцом Ионой бумагу. Тот заглянул в неё и начал:

– Так начнём, милостью Господа наше расследование, сиречь инквизицию. Дочь моя, я буду задавать тебе вопросы, а ты отвечай на них, и говори, как говорила бы перед Господом нашим всемилостивым, без подлости отвечай и без лукавства, хорошо?

– Да, господин, – отвечала женщина.

– Не господин я тебе, я тебе отец, святой отец, так и зови меня, а я буду добр и милостив к тебе, как подобает истинному отцу. Поняла?

– Да, святой отец.

– Говори. Ты ли Гертруда Вайс, что живёт в городе Альк и имеет сыроварню и трёх сыновей?

– Да, это я, святой отец.

– А муж твой где?

– Первого мужа я схоронила шестнадцать лет назад, его бык в бок ударил, он помер на шестой день. А второй муж уехал сыр продавать, на ярмарку в Вильбург, и там помер от чумы.

– А, так ты двух схоронила, – уточнил брат Иоганн. По его тону Волков понял, что это отягощает дело вдовы.

Волков сел на лавку, вытянул ногу.

– Так в том нет моей вины, я обоих мужей, что Бог дал, любила всем сердцем. – Говорила женщина.

– Конечно-конечно. – Соглашался брат Иоганн.

– Веруешь ли ты в Спасителя нашего, веруешь ли ты в непогрешимость папы и святость Матери Церкви нашей? – Заговорил брат Николас.

– Верую, святой отец, верую. – Кивала вдова.

– Ходишь ли к причастию? Исповедуешься?

– Да, хожу каждую неделю. Исповедуюсь, наш поп... отец Марк, скажет вам, если спросите. Спросите у него, пожалуйста.

– Спросим, спросим, не сомневайся. Позовём пастыря вашего и спросим с него, – обещал отец Иона. – Ты, дочь моя, вот что мне скажи, только без лукавства говори, знаешься ли ты с Сатаной.

– Господи, прости, Господи прости, – вдова стала истово креститься с показной рьяностью.

– Отвечай, – настоял Отец Иона.

– Нет, Господь свидетель, клянусь вам душой своей бессмертной. – Она почти рыдала. – Поверьте мне, поверьте.

– Читала ли ты чёрные книги, творила зелья, смотрела, как кто другой творит такое?

– Нет, нет, клянусь, нет! Я не грамотная, не читаю книг, никогда не читала.

– Говорила ли ты проклятья, сулила ли беды, призывала ли болезни для скота и для детей, чьих-либо? Или для людей?

– Нет, нет, нет. Никогда.

– А приходил ли к тебе во снах человек с лицом чёрным, или о рогах, или о копытах, или о языке длинном. – Спрашивал Брат Иоганн. – Говорил ли тебе добрые слова, трогал груди твои, целовал уста твои, живот и лоно твоё? Сулил злато? Приглашал с ним идти? Обещал ли любовь?

– Нет-нет, никогда такого не было. Никогда.

– Ну, хорошо, – продолжал отец Иоганн, – а слушала ты проповеди лжеправедных отцов, что воздвигали хулу на папу, и на Матерь Церковь, и говорили от лица, сына Сатаны, Лютера?

– Нет, да что вы! – Вдова старалась говорить искренне. Складывала молитвенно руки. – Да разве это не грех? Да и нет у нас в городе еретиков.

– Не плевала ли ты на иконы, не читала ли молитвы на простом, грешном языке, не ругала отцов святых Церкви дурными словами, и не требовала от них покаяния сатанинского и реформации?

– Никогда, никогда.

– Палач, добрый человек, выйди. – Сказал отец Иона.

Вдова, услышав это заплакала. Оглядывалась.

Сыч и с ним два солдата из людей Брюнхвальда, что подвязались помогать палачу за серебро, вышли и низко кланялись Трибуналу.

Сыч был чист, выбрит и горд своей миссией. Кланялся ниже всех.

– Сын мой, встань рядом с этой несчастной. И люди пусть твои встанут.

Сыч исполнил приказ незамедлительно.

– Господи, Господи, – запричитала вдова, – зачем это? Святой отец, зачем вы позвали этих страшных людей?

– Дочь моя, – заговорил отец Иона, – по протоколу мы должны тебя осмотреть, надобно, чтобы ты сняла свою одежду.

– Что, всю одежду? – Не верила вдова. Она оглядела дюжину мужчин, что были в зале.

– Дочь моя, перед Святым Трибуналом ты должна стоять, как и перед Господом нашим будешь стоять, ничем не прикрыта. В том не будет тебе укора, коли ты станешь нага здесь.

– Надобно всё снять? – Всё ещё сомневалась женщина.

– Да, – говорил отец Иоганн с суровым лицом, – иначе палач снимет с тебя платье неласково.

Гертруда Вайс стала медленно раздеваться. Рыдая при этом.

– Женщина, не трать время наше, разоблачайся быстрее, – крикнул отец Иоганн, – палач, помоги ей.

Сыч подошел, стал раздевать её. Кидать её одежду на лавку. Волков услышал, как за ним кто-то пошевелился. Он повернулся и увидел монаха брата Ипполита, тот отвернулся, смотрел в жаровню с углями, чтобы не видеть женского тела. Шептал что-то.

А Сыч раздел женщину догола, стянул чепец с головы и снял с неё обувь, всё это он делал с серьёзным, даже злым лицом.

– Распусти волосы ей, – командовал отец Иоганн.

Сыч повиновался.

Волков глядел на вполне себе хорошее женское тело. Несмотря на возраст, женщина была аппетитна, только вот атмосфера, что царила в зале, никак не располагала к любовному настроению.

Женщина выла, ни на секунду не умолкала, пыталась руками прикрыть срам, да Сыч не давал, одёргивал её, чтобы руки не поднимала.

– Вдова Гертруда Вайс, сейчас тебя осмотрят честные люди, один из них монах, что не принадлежит к Святому Трибуналу, брат Ипполит, и добрый человек славный своими подвигами божий рыцарь Фолькоф. Не против ли ты, что они будут свидетелями по твоему делу? – Заговорил отец Иона.

– Нет, не против, – подвывала женщина.

– Брат Иона, – заговорил отец Николас, – надобно ли брату Ипполиту тут свидетельствовать в таком деле, молод он, нужно ли ему видеть женское тело? К чему соблазны такие.

– Ничего-ничего, пусть укрепляет себя и дух свой. – Не согласился брат Иона, и добавил тихо, – да и некогда искать другого, обед скоро.

Брат Николас вздохнул только в ответ.

– Брат монах, и вы господин рыцарь. Подойдите к женщине, поглядите, есть ли на коже у неё родимые пятна, что напоминают рогатую голову, голову пса с пастью, голову козлища с рогами, голову кота?

Волков и краснеющий как пламя брат Ипполит стали оглядывать голую женщину со всех сторон. Никаких родимых пятен у неё не было.

– И под грудями её смотрите. – Настаивал брат Иоганн.

Посмотрели под грудями:

– Нет, святой отец, – произнёс Волков, – ни одного родимого пятна нет. Только родинка большая подмышкой, под левой рукой.

– Палач, добрый человек, посади женщину на лавку, пусть свидетели поглядят, нет ли у неё под волосами на голове таких пятен?

Сыч усадил женщину на лавку, а Волков и брат Ипполит оглядели её голову сквозь волосы:

– Нет, святые отцы, на голове тоже нет таких пятен. – Сказал кавалер.

– Нет, так нет. Хорошо, – начал было отец Иона, но его остановил отец Иоганн, он что-то шепнул Ионе и тот вспомнил и начал кивать головой. – Ах, да, ведьмы бывают очень хитры. Палач, пусть свидетели посмотрят родимые пятна в волосах у женщины под мышками, в волосах у лона её, и в заднем проходе, ведьма и там может прятать образ господина своего. Такие случаи известны.

– Известны, – кивал отец Николас.

Вдова, подвивая, делала то, что ей говорили, а кавалер и залитый краской монах, осмотрели все, что было необходимо, и первый раз, за всю свою жизнь, созерцание красивого женского тела не принесло Волкову никакого удовольствия.

– Мы не нашли у неё никаких пятен, святые отцы, – сказал кавалер.

– Так, что ж, нет пятен, ясно, – произнёс отец Иона.

– Мне можно одеться, господин? – Всхлипывала вдова?

– Зови меня святой отец, а не господин, – терпеливо говорил отец Иона, – а одеваться я тебе ещё не разрешаю. Палач, сын мой, поставь эту женщину на колени, на лавку, и наклони её, чтобы свет падал ей на спину в избытке.

Сыч поставил женщину на колени на лавку как просил глава Трибунала, а тот продолжил:

– Добрый рыцарь и ты брат монах, посмотрите, как следует, есть ли у неё на крестце и промеж ягодиц, над задним проходом, шрам как от усечения или как от прижигания?

Волков и монах опять смотрели на вдову, разглядывали на совесть.

Кавалер глянул на монаха, тот только головой помотал, и кавалер сказал:

– Нет, шрамов мы не видим.

– Палач, сын мой, а знаешь ли ты как проверять родинку, что на боку у неё? – Спросил отец Иона у Сыча.

Волков был удивлён, но его Сыч это знал.

– Да, святой отец, – отвечал Сыч. Тут же достал из шва рубахи на рукаве большую иглу, показал её монахам. – Могу проверить.

– Так делай, добрый человек. – Благословил монах.

Сыч подошёл к женщине, деловито поднял её руку и сказал:

– Держи, не опускай.

Вдова тонко завывала, а потом и громко ойкнула, когда большая игла вошла ей в родинку на пол фаланги пальца. Затем Сыч вытащил иглу и стал давить родинку, и когда выдавил каплю крови взял её на палец и показал Трибуналу:

– То не отмети́на нечистого, тут кровь есть.

– Ну, что ж, – отец Иона сложил руки молитвенно, а писари стали складывать свои бумаги и перья, – на сегодня всё. Одевайся, дочь моя. Господин рыцарь, пусть люди ваши проводят её в крепкий дом, до завтра.

– Держат пусть милостиво, без железа, – добавил отец Николас. – Угрозы мы в ней пока не видим.

– Куда, куда меня? – Не понимала женщина, торопливо одеваясь.

– В тюрьму, – коротко отвечал ей Сыч и помогал ей одеться. – Не бойся, велели тебя в кандалы не ковать.

– Так за что же? Разве не убедились, что я не ведьма?

– Святые отцы завтра продолжат Инквизицию, – сказал Волков, – Сыч, проследи, чтобы у вдовы была хорошая солома, и хлеб был.

– Я соломы дам ей из телеги, и рогожу тоже, чтоб не замёрзла за ночь. – Обещал Фриц Ламме по прозвищу Сыч.

– Ну, что ж, братия, – выволакивал своё грузное тело из-за стола брат Иона, – раз хорошо сегодня поработали, будем и есть хорошо.

Брат Иоганн и брат Николас согласно кивали, а монахи-писари и вовсе похватили вещи свои и чуть не бегом кинулись прочь из склада, побежали к телеге, удобные места занимать, а то последнему пришлось бы ногами до трактира идти.

Кавалер был удивлён, день только к середине шёл, а члены комиссии уже закончили дела, но ни поучать попов, ни спрашивать о том не стал. Он охрана Трибунала, а как вести Инквизицию попы и сами знали. Сел на коня и поехал в трактир с Максимилианом и Ёганом. А Брюнхвальд с Сычом повезли вдову в тюрьму.

В трактире монахи позвали его к себе за стол, он согласился. И трактирщик сам стал носить им еду. Горох с толчёным салом и чесноком, кислую капусту, жареную на сале, с кусками колбас и вымени, и рубец со свежим луком, бобы тушёные с говядиной и много пива чёрного, хлеба. Кавалер смотрел и удивлялся тому, как много могут эти монахи сожрать, уж больше, чем солдаты. Тем более, когда еда такая вкусная. А уж сколько ел отец Иона, так троим солдатам хватило бы. Он с хрустом корки ломал свежайшего хлеба, и этим куском загребал из большой миски с бобами жижу и отправлял себе в рот, и ложкой закидывал бобы, и тут же выпив пива, брал пальцами кусок рубца, пальцем же мазал его горчицей с мёдом и кидал вслед пиву. Если монахи о чём-то говорили, то отец Иона на слова времени не тратил, он молча придвигал себе блюдо с капустой, и начинал есть её прямо с общего блюда. И никто ему не возражал.

Кавалеру долго любоваться на всё это не хотелось, как следует поев, он откланялся. Но к себе не пошёл, велел трактирщику греть ванну, хотя нога в этот день его почти не донимала.

Глава 4

Ни рогожа, ни солома вдове не помогли. Утром следующего дня привезли её к месту, так она зубами стучала, и синей была. Только тут в зале и согрелась, когда Сыч поставил рядом с ней жаровню. И сидела она там с палачом и его двумя помощниками из солдат. А день уже шёл во всю, пегухи отпели давно, и позавтракали все давно, а Инквизиция не начиналась, Трибунал не ехал к месту, потому, как отец Иона опять сидел в нужнике.

Наконец, он вышел, вздыхал и кряхтел, и молился тихонько, с трудом пошёл к телеге и как обычно со скамейки полез в неё, а братья монахи ему помогали.

Вдову опять раздели, но осматривать на сей раз не стали. В потолке был крюк, там, в обычные дни весы висели, так Сыч с помощниками туда вставили блок, в него верёвку продели. И по приказу брата Николаса, вдове выкрутили руки назад, и привязали к концу верёвки и теперь, когда брат Николас делал знак, помощники Сыча тянули верёвку, но не сильно, не сильно. Так чтобы рук бабе не выламывать, но, чтобы она говорила без лукавства.

– Говори, – бубнил монотонно брат Николас, читая по бумаге, – наговаривала ли ты нездоровье на людей, желала ли смерти скотам их. Огня имуществу их?

– Нет, нет, никогда. – Лепетала женщина.

Брат Николас делал знак палачам, и те тянули верёвку вверх, и женщине приходилось вставать на цыпочки, чтобы руки её не вылетели из суставов. А брат Николас повторял вопрос:

– Говори, наговаривала ли ты нездоровье на людей, желала ли смерти скотам их, огня имуществу их?

– Нет, Господи, нет, – стонала вдова. – Никогда такого не делала.

Брат Николас делал знак, и палачи чуть отпускали верёвку, но не так, чтобы несчастная могла разогнуться, и дать облечения рукам своим. Она так и стояла, согбенна, смотрела в пол, а руки её были выше её головы.

– Варила ли ты зелья, чтобы травить скот, привораживать чужих мужей, варила ли ты яды, освобождала ли дев незамужних от бремени, спицей, отваром, заговором? Смотрела ли ты на детей и беременных злым глазом, лиха им желая?

– Нет, никогда. – Шептала женщина.

– Громче говори, громче, – настаивал брат Иоганн. – Господь и мы слышать тебя должны.

– Нет, нет. – Кричала вдова, срываясь на визг.

И тут снова брат Николас делал знак, и палачи снова тянули верёвку, почти отрывая вдову от пола. И брат Николас снова читал тот же вопрос:

– Варила ли ты зелья, чтобы травить скот, привораживать чужих мужей, варила ли ты яды, освобождала ли дев незамужних от бремени, спицей, отваром, заговором? Смотрела ли ты на детей и беременных злым глазом, лиха им желая?

Каждый вопрос он повторял дважды. И все они были об одном и том же. Волков перестал слушать вопросы, и стал думать о своих делах. Он хотел написать банкиру в Ланн, чтобы тот узнал, всё ещё настаивает ли на его поимке папский нунций. Так же ему хотелось знать, как там живёт его Брунхильда, расстались они с ней не очень ласково. Как она себя ведёт без него. И не стал ли кто к ней ходить. Но об этом он у банкира справиться не мог. Сколько он так размышлял, кавалер не знал. Время потерял.

Да тут палачи, кажется, переборщили, женщина пронзительно закричала, и Волков стал опять прислушиваться к вопросам и приглядываться к происходящему. И он понял, что отец Николас задаёт одни и те же вопросы по кругу. Сначала это его удивило, а потом он понял, что так будет продолжаться и дальше, может и несколько дней подряд, пока силы у того, кто пытается скрыть истину, не кончатся и он начнёт говорить правду, или даже то, что от него хотят

услышать. Женщина отвечала всё тише, и невразумительнее, её ответы всё больше походили на долгие всхлипы. Кавалер стал ждать, когда отец Иона об обеде уже вспомнит.

И отец Иона жестом прекратил дознание, да и дознаться уже было невозможно, вдова только выла и всхлипывала, казалось, что она уже и вопросов не слышит, да и обмочилась под конец. Палачи отпустили верёвку, развязали ей руки, положили на лавку, а женщина даже и не попыталась одеться, так и лежала на лавке нагая, с полузакрытыми глазами, и дышала тяжело, вздрагивала всем телом.

– Ну, что ж, – подвёл итог отец Иона, – пока умысла мы не выявили. Оденьте её и проводите в крепкий дом, и пусть покоряют её.

Он стал вылезать из-за стола, так, что тяжеленная лавка упала, спешил обедать.

Они вернулись в таверну, и монахи снова позвали кавалера за стол.

Он сидел с ними, и есть ему пока не хотелось, а вот они были голодны. Волков подумал о том, что люди эти крепки духом: бабу замордовали до беспамятства, дело для них привычное, и теперь с нетерпением ждут обеда.

И то ли взгляд его поймал отец Николас, то ли мысли слышал его, в общем, он вдруг заговорил с ним:

– А что печалится наш добрый человек, устали вы, хвораете или никак ведьму жалко?

Волков замаялся с ответом. За него заговорил другой.

– Тут любой бы пожалел такую, милостива она, – сказал отец Иоганна.

– Да, – изрёк отец Иона, – всеми чертами соблазнительна жена сия.

Волков косился на монахов, молчал думая, чтобы ответить, жалеть ведьм ему вроде не пристало, врать он не хотел, но и правильного ответа не находил. А худой отец Николас, полная противоположность отцу Ионе, смотрел на него водянистыми, серыми, пронизательными глазами и говорил вопросы ему, как гвозди вбивал:

– А слышал я как вы, друг мой, ведьму до смерти, где-то запытали? Как ещё одну сожгли где-то в землях какого-то барона на западе? А чернокнижника не жалко было в Фёренбурге?

Всё знал о нём отец Николас. И Волков молчал. Боялся он, что этот поп с рыбьими глазами и про Агнес знает. Да поп, видно, не знал про девочку. Он вдруг изобразил подобие улыбки и сказал:

– Не грустите, рыцарь, вдова не ведьма. Жечь её не придётся.

Волков и представить не мог, какой груз лежал на нём, а как услышал он эти слова, так груз тот исчез, растаял. Он выпрямился, удивлённо и обрадованно переспросил, глядя на отца Иону:

– Не ведьма?

– Раз брат Николас говорит, что не ведьма – значит не ведьма, – заверил тот, – нет в наших землях лучшего знатока. Он со взгляда одного их видит.

Волков ещё раз взглянул на отца Николаса, на его худое лицо, лысеющую голову, рыбы холодные глаза. И подумал, что плохо себя почувствует любой, на кого своими внимательными глазами в Трибунале будет смотреть этот человек. А отец Николас произнёс:

– Не волнуйтесь, рыцарь, вдова не виновата, а бумага, что её обвиняет, так то навет.

Волков чуть подумал и спросил:

– Так, значит, вдову отпустим?

– Да как же так, господин сердца моего, – искренне удивился отец Иона, – сами же меня иссушали вопросами своими о содержании для людей ваших, волновались, кто им заплатит, а тут хотите вдову отпустить?

– Так вроде она ж не виновата, неужто мы её имущества лишим? – Удивлялся кавалер.

– Её, нет, коли не выясним какого греха за ней, а вот с того, кто навет писал, с того возьмём, милостивы к нему не будем. – Заверил отец Иоганн. – Навет то грех большой, коли

муж писал, так много возьмём, но тут жена навет писала, от ревности бабьей, думаю, так и с мужа её возьмём, хотя и меньше.

– Завтра розыск начнём, и тут уж вам нужно будет расстараться. Нужно найти клеветника. Не может Трибунал без серебра, – подвёл итог отец Николас. – Вы и сами то знаете.

И с этим кавалер был согласен, ему нужно было почти сто монет в месяц, для солдат Брюнхвальда, да за трактир платить, да за богатый стол для отцов-инквизиторов. Тут им стали носить еду: зайцев в кувшинах печёных с молоком и чесноком и пряными травами, буженину свежайшую в горчице и соли. Хлеба, доброе пиво. Такое доброе, что пролив его на стол, так к столу кружка прилипла – не оторвать.

Вечером за окном выл ветер, вроде как с юга шло тепло. Кавалер валялся на кровати, а брат Ипполит, Сыч, Ёган и Максимилиан сидели у жаровни под свечой, и монах читал всем, в какой уже раз, книгу про разных злых существ. Читал про ведьм. Волков знал этот отрывок уже наизусть, слушать ему было лень, да и тоска какая-то на сердце была, всё Брунхильда вспоминалась ему, и он сказал:

– Ёган, иди, запряги телегу, возьми Сыча и езжайте в магистратуру, туда, где эту вдову держат.

Все уставились на кавалера удивлённо, а он продолжал:

– Привезите мне её сюда.

– Ведьму сюда? – Удивился Сыч. – К вам?

– Не ко мне, скажи, что святые отцы поговорить с ней хотят.

– Отпустят ли? – Сомневался Еган, которому вовсе не хотелось, по ночи и по холоду, таскаться за ведьмой.

– Не отпустят, так не отпустят, идите. – Настоял Волков. И кинул им свой плащ. – Накиньте на неё, когда повезёте, что б никто не видел её тут.

Сыч и Ёган ушли, забрав плащ, нехотя и недовольные, а Максимилиан просил монаха:

– Брат Ипполит, почитай ещё.

– Поздно уже, – отнекивался монах.

– Почитай, уж больно интересно про ведьм, или научи меня читать на языке пращуров, – не отставал молодой человек.

Брат Ипполит покосился на кавалера, и, не услышав его возражений, начал читать дальше.

Кто ж не отпустит ведьму, когда святые отцы из Трибунала просят. Вскоре на пороге комнаты стояла трясущаяся от холода вдова. Сыч стянул с неё плащ. Монах и Максимилиан пошли из комнаты, Волков сказал Ёгану:

– Ступай на кухню, там буженина от ужина осталась, кусок принеси и хлеба, и пива.

Когда все ушли, кавалер сказал женщине:

– Подойди к жаровне, согрейся.

Женщина поклонилась, подошла к жаровне и стала греть руки.

– Знаешь, зачем тебя привезли? – Спросил Волков.

– Да, господин, не девица малая, знаю. – Покорно говорила она, не поднимая глаз на него.

– Так раздевайся.

Она послушно стала снимать платье, осталась в рубахе нижней и спросила:

– Рубаху снимать?

– А чего же не снимать, стесняться тебе нечего, изъянов в тебе нет, всё ладно у тебя. Ты красивая. Да и рассмотрел я тебя всю. Ни одну из баб своих я так не рассматривал, как тебя.

Она сняла рубаху, бросила её на пол рядом с жаровней. Тут Ёган еду принёс.

Волков дал вдове поднос:

– Ешь.

– Это мне всё?

– Да, садись на кровать и ешь.

Она ела быстро и жадно, видать не очень кормили её в тюрьме магистрата.

Грязная, волосы растрёпаны, а всё одно красивая, нечета, конечно Брунхильде, та молодая, здоровая, от той бабья сила так и льётся наружу, но и эта тоже красива. Волкову захотелось её немного успокоить, и он сказал:

– Ты не волнуйся, я святых отцов уговорю, чтоб тебя отпустили.

Она перестала жевать, хоть и рот был полон еды, уставилась на него, помолчала, осознывая слова его, а потом даже прослезилась.

– Что? – Он усмехнулся. – Не бойся, не дам тебя в обиду. Если, конечно, ласкова будешь.

Она быстро проглотила еду, молитвенно сложила руки:

– Господин мой, избавьте меня от этого всего, уж буду ласкова с вами, как ни с кем не бывала. Прошу вас, – она схватила его руку, стала целовать и целовать, – Господи, я за вас молиться буду до смерти, и сыновьям своим накажу.

– Ладно, ладно, доедай, – он отнял у неё руку и погладил её по голове и по спине нежно, и по заду. – Доедай. И посмотрим, как ты ласкова можешь быть.

Глава 5

– Сударь мой, недопустимо сие! – Тряс подбородками и щеками отец Иона. – Недопустимо! Разве ж это можно? Разве ж так подобает?

Волков не мог понять: это монах так злится или так напуган. Он стоял, молчал, слов оправданий не находил.

– Нет, друг сердца моего, нельзя, возбраняется это. – Продолжал монах. – Вы ж рыцарь божий, сила ваша не в крепости рук, а в крепости духа. Как же не устояли вы перед грехом прелюбодеяния. Ничтожна сила духа вашего пред лоном смазливой вдовы. И какой же вы тогда рыцарь?

Они стояли на улице, слава Богу, никто к ним не подходил, и никто не мог слышать их разговора, иначе кавалер сгорел бы со стыда. Волков уже и забыл, когда его вот так отчитывали. Обиднее всего, что монах имел право ему это высказывать, но уж больно хороша вдова оказалась. Впрочем, он за три недели изголодался по женскому телу так, что и менее привлекательная женщина могла его соблазнить.

– Вы уж, друг мой, не взыщите, но наложу я на вас епитимью немилосердную, – продолжал отец Иона, – немилосердную, уж не взыщите: неделю поста, чтобы кровь при виде женщин не кипела. Три дня к заутрене ходить, ждать причастия, по сто поклонов делать, до пола, «отче наш», – отец Иона сделал паузу, чтобы рыцарь прочувствовал, – двести раз читать. Тяжко сие? Зато дух ваш укрепим, да и не тяжело это. Я девицам, что блудят до замужества, и больше поклонов велю класть. Хотя им-то я должен прощать больше вашего, и Господь им прощает больше, женщины как ослицы, естеством живут, а вы муж, вам Господь и силу, и дух дал, так пусть дух ваш страсти ваши сдерживает. Иначе и беде быть.

Волков только поклонился, спорить было бессмысленно.

Утром дурень Ёган не разбудил его, он так и спал до завтрака, а вдова пригласилась рядом с ним, ей-то куда спешить было, не в тюрьму же холодную. Проснувшись, кавалер ещё раз брал её, потом по нужде её повёл Сыч на двор, тут её попы и увидали.

И теперь выговор слушал Волков, смиренно, со всем соглашаясь, но ни о чём не жалея. А Отец Иона всё не унимался:

– И то не прихоть моя, не подумайте, то не заповедь сухая из Святой книги, то мой опыт вам говорит: с ведьмой ложа не дели. Коли душой своей бессмертной дорожишь: не дели, как бы прекрасна не была она, а бывают и такие, что прекрасней этой вдовы. Много прекрасней. Много соблазнительней. Видел я своими глазами, как выгнивают добрейшие и славнейшие мужи, и отцы церкви, и воины те, кто коснулись ведьм. Сначала речи их слушали, они начинают всегда с речей, а потом и ложе делили. И крепкие мужи становились сначала для ведьм возлюбленными, а потом и верными слугами злых женщин, а потом и крепостными холопами им, а дальше и рабами бессловесными, и кончали они зверьми цепными. И то не аллегория я вам рассказываю, а истину! Своими очами видел: на цепи, ведьма, держала мужа. Некогда доброго и славного, аки зверя, голого и подлого, который гадит там, где ест. И плетью его била, и мочилась на него. А он радовался ей, как пёс хозяину. А когда взяли мы её и в крепкий дом посадили, она велела ему высвободить её. Так он ночью пришел и стражей жизни лишил, взял её и бежал с ней, насилие нашли их. И сожгли обоих.

– Но ведь вдова не ведьма, – возразил Волков, – отец Николас так сказал.

– Кто ж с отцом Николасом спорить станет? Никто. И я не стану, скажу я вам вот что: коли намёк, коли тень намёка есть, что жена зла, так бегите от неё, добра ей не делайте, на посулы не идите, обещаниям не верьте. И главное, еду у неё не берите, и кровя, и ложа не делите. Не делает ведьма добра никому кроме как себе!

– Да, святой отец, я запомню это. – Сказал кавалер.

– Я прошу вас – поклянитесь. Нет, не прошу, я требую от вас, как от рыцаря божьего, клянитесь, что ни кров, ни еду, ни ложе не поделите с женою злою, что с Сатаной знают. – Настаивал Брат Иона.

Волков молчал, не клялся. Смотрел на толстого и праведного монаха. Думал.

– Так, что ж вы медлите, друг мой? – Удивлялся отец Иона.

– Ах, да, да. Клянусь, что не разделю еды, крова и ложа со злой женой. Не буду слушать её посулов и верить её обещаниям.

– Аминь, вот и славно, – сказал монах, крестя его и давая руку для поцелуя, – пойдёмте завтракать, хотя для вас теперь завтрак будет постен. Да уж, не взыщите, постен.

Они, было, пошли уже в трактир, да тут во двор въехала роскошная карета и два верховых за ней. На карете был герб. Все в этих местах знали его. То был герб принца Карла. Карла Оттона Четвёртого, герцога и курфюрста земли Ребенрее. Конечно, это не мог быть сам герцог, уж слишком мала была свита, но, несомненно, это был кто-то из его ближайшего круга. Слуга слез с запяток и вытащил лесенку, открыл дверь и из кареты выскочил проворный человек, и они со слугой и конюхом стали помогать выйти не старому ещё, но уже седеющему господину, который был видимо хвор. Господин глянул на монаха и Волкова, кавалер и монах поклонились ему, тот едва заметно ответил, и слуги под руки увели его внутрь. А Волков и монах пошли завтракать. И завтрак у кавалера теперь был постен.

Не зря Роха считал Волкова ловкачам. Нет, сам он, конечно, себя таким не считал, но когда Волков, монахи и Брюнхвальд сидя за столом услышали, как один из слуг приехавшего господина сказал другому, что нужно бы сыскать доктора, то Брюнхвальд и монахи подумали, что, видимо, этот вельможа болен. А вот Волков подумал, что неплохо бы оказать ему, если уж и не услугу, то хотя бы знак вежливости. Мало ли как всё обернётся. И поэтому он позвал к себе брата Ипполита и сказал тихо:

– Сходи к тому господину, что приехал, кланяйся, скажи, что я тебя послал, хочу справиться: не нужна ли ему помощь? Скажешь, что ты лекарь.

– Так не звали меня, – мялся молодой монах. – Может, и без меня обойдутся.

– Иди, говорю, скажешь, что я послал, а отошлёт, так отошлёт, не много потеряем. – Настоял кавалер. – Иди сейчас, пока они за доктором не послали.

Монах вздохнул, словно его на казнь отправляли, и пошёл вверх в комнаты для богатых гостей. Даже доесть ему господин кавалер не дал. Ушёл и не вернулся оттуда. Завтрак уже подошёл к концу, даже брат Иона наелся, а юного монаха всё не было.

Не стали его ждать, поехали в место, где шёл Трибунал, там, так и не заехав в тюрьму после ночи с Волковым, ждала своей участи вдова Гертруда Вайс под охраной. Она волновалась, смотря, как рассаживаются святые отцы. Ломала руки. Бледная, хотя Волков велел Сычу её покормить.

Писари как всегда долго что-то раскладывали, перекладывали бумаги, отцы о чём-то тихо говорили, а она вся тряслась от нетерпения узнать свою судьбу, но уже то, что её не раздевали, немного успокаивало женщину.

Наконец, отец Иона взял бумагу, что дал ему главный монах-писарь, и произнёс, глядя на вдову:

– Трибунал Святой Инквизиции постановил: ты, Гертруда Вайс, вдова, с Сатаной не зналась, колдовства не творила и не злоумышляла, и подлости не готовила. Свидетелей ни одного из тех дел, что тебе приписаны, мы не видали. Ни один не пришёл на тебя показать. И посему, бумагу сию, – он потряс бумагой, – считаем наветом. И отдаём её божьему рыцарю Фолькофу для розыска. Ты, вдова, Гертруда Вайс, будешь говорить этому рыцарю все, что он спросит, без утайки, как будто перед Святым Трибуналом говоришь. Ясно тебе, вдова Вайс?

Женщина зарыдала, стала кивать головой.

А Волков подошёл к столу, взял бумагу и, поглядев в неё, спросил:

– А как же искать мне этих наветчиков?

– Да просто, – отвечал отец Иоганн, – бабёнка смазлива, узнайте, кто из женатых мужей к ней хаживал. Как узнаете, так жену его берите, не ошибётесь. У нас три четверти доносов бабьих рук дело. А ежели нет, так писаря ищите, – он указал на лист бумаги, – этот навет писарь хороший писал, не староста сельский.

– Долго вдову не спрашивайте, – добавил отец Иона, – намучилась женщина, пусть сегодня дома ночует.

– Хорошо, святые отцы. – Волков поклонился.

– А раз дел у нас больше пока нет, так мы и в трактире посидим, там нам поприятнее будет, – сказал отец Николас, – а вы тут сами сыск ведите, как всех выявите, так и нас позовёте, да только не затягивайте, нам ещё шесть городов объехать нужно.

Волков опять поклонился, и монахи с шумом стали вылезать из-за столов, отодвигая лавки.

Кавалер понял, что теперь всё дело будет делать он. И, честно говоря, это его устроило. Он один, по-хозяйски, расположился за огромным столом. Осмотрел всех, кто остался, и начал сразу по делу:

– Женщина, говори, были у тебя мужи, что ходили к тебе от своих жён?

Эта глупая баба стала столбом, только по сторонам глазела. Косилась то на писарей, то на Сыча с его помощниками и молчала.

– Отвечай, дура, – пхнул её в спину Сыч, – господин спрашивают.

Всё и так было ясно, нужно было только имя его узнать, и Волков настоял:

– Говори, не тяни время, кто был у тебя? Имя его скажи.

Женщина мялась, не хотела говорить.

– Не хочешь говорить? – Начиная раздражаться кавалер. – Палач, раздевай её. Не желает говорить по-хорошему, так на дыбе заговорит.

– Нет, нет, господин, не надо, – сразу затараторила вдова, – ходил ко мне Рудольф Липке, подмастерье кузнеца.

Кавалер глянул на монаха-писца, тот всё записывал, и он продолжил:

– Он женат?

– Нет, – отвечала вдова, краснея.

– Почему? Он убог?

– Нет, господин. – Она опять замолчала. Стала шмыгать носом.

– Чёртова баба, – заорал Волков, врезал кулаком по столу, – из тебя каждое слово тащить?

Говори, или велю Сычу тебя на дыбу вешать.

– Он не женат, потому как молод, ему семнадцать лет, – захныкала женщина.

– Может, еще кто ходил к тебе? – Спросил кавалер.

– Ходили, – тихо отвечала женщина, смотря в пол.

– Громче, говори, – опять ткнул её Сыч, – господин и писари должны слышать.

– Да ходили ко мне мужчины.

– Мужчины? – Волков смотрел на неё с любопытством. – И сколько их было?

– Ханс Раубе, столяр, – начала перечислять женщина. – Иоганн Раубе, тоже столяр.

– Сын его, что ли? – Уточнил кавалер с ещё большим любопытством.

– Брат.

– Они женаты?

– Да, господин. – Кивала вдова.

– Дальше.

– Стефан Роненграуф, возникчий.

– Женат?

- Женат, господин.
- Ещё кто?
- Вилли Кройсбахер. У него большая коровья ферма.
- Женат?
- Женат, господин.
- Ишь ты, – тихо говорил Брюнхвальд за спиной у Волкова, – а я всё думал, почему такая пригожая женщина и не за мужем.
- Брала ли ты мзду с мужей за то, что давал им? – Продолжал допрос кавалер.
- Ну как... Я-то не просила ничего, они сами предлагали.
- Сколько брала.
- Деньгами я не брала. – Женщина краснела и от стыда переводила дух, словно бежала долго.
- Ну, два года назад Ханс и Иоганн Раубе чинили мне крышу, ну, денег у меня только за половину работы было, я обещала им отдать попозже, а они мне предложили рассчитаться по-другому...
- И ты согласилась?
- Согласилась, господин. Денег-то всегда не хватает.
- И всё? Они больше к тебе не ходили?
- Ходили, господин, – опять краснела вдова, – то забор надо поправить, то фундамент под чан новый поставить. У меня сыроварня, господин, там всегда работа есть для мужских рук.
- И не только для рук, – язвил Брюнхвальд.
- А с остальных тоже имела прибыль какой?
- Ну, Стефан, он, если в Вильбург ехал, так мои сыры вёз бесплатно, сколько мог взять. – Говорила женщина.
- А этот, как его... Фермер, что тебе бесплатно делал?
- Иногда своего молока у меня не хватало, он мне возил, ну, и корма для моих коров помогал заготовливать бесплатно. То есть без денег.
- Так, ну а этот, семнадцатилетний, что он для тебя делал? – Продолжал Волков.
- Вдова стала совсем пунцовой, стояла, теребила передник:
- Рудольф мне ничего не делал.
- Ясно, этот значит, был для души, а остальные для дела. – Сказал кавалер. – Писарь, ты записал имена её хахалей?
- Монах писарь положил перед ним лист бумаги. Не заглядывая в него, Волков передал лист Брюнхвальду:
- Карл, берите всех вместе с их бабами.
- Брюнхвальд забрал письмо, пошёл к выходу, а вдова вдруг зарыдала.
- Чего, чего ты воешь, дура? – Ласково говорил ей кавалер.
- А что вы с ними делать будете? – Сквозь слёзы спрашивала она.
- Да ничего, выясню, кто навет на тебя написал.
- Господин, не надо никого наказывать, я их прощаю.
- Прощает она, – кавалер невесело усмехнулся, ему через неделю нужно будет жалование людям Брюнхвальда платить, и уж они его не простят, да за постой в таверне, деньги нужны, монахи то жрут, как не в себя, он вздохнул и сказал, – навет есть большой грех и преступление. Клеветников надобно покарать!
- Смертью? – Ужаснулась женщина.
- Это решит Трибунал Святой Инквизиции. – Отвечал Волков.
- Смерть их была совсем не нужна ни ему, ни Трибуналу, им нужны были деньги.

Первой солдаты Брюнхвальда приволокли жену фермера. Бабищу в семь добрых пудов веса. Видно, по улице её тащить пришлось, была она без чепца, и вся в грязи и при этом выла не женским голосом, басом:

– За что, господи, за что меня-то?

Солдаты, видно, с ней намаялись, кинули её на пол, а один пнул её в бок сапогом немилосердно.

Баба продолжая выть громогласно, повторяя своё: «Меня за что?» Озиралась вокруг, пока не увидела вдову. Тут, видно, она нашла виновницу своих бед, с трудом поднялась с пола, вся юбка в грязи, к коленям липнет, и пошла, огромная и завывающая, к женщине, тянула к ней руку:

– Ты, шлюха, ты... Из-за тебя я тут, блудница.

Она даже кинулась на перепуганную до смерти вдову, да налетела на кулак Сыча. А Сыч бить был мастак. Повалилась бабища на пол, лежала, морду рукой закрыла и выла.

– Ну, – произнёс кавалер, – говорить будешь или тебе ещё дать разок?

Баба даже его не услышала. Так и лежала на полу склада.

– Сыч, приведи её в чувства. – Сказал кавалер.

Фриц стал поднимать огромную женщину, помощники ему помогали. А та вдруг стала упираться, вырываться. И началась долгая возня, пока палачи не разозлились и стали бить её уже не милосердно, по лицу и по чреву, разодрали ей платье. Долго возились с ней. И уже полуголюю привязали к козлам, накрепко.

Все устали от неё, даже монахи писцы морщились от нескончаемого её воя.

Волков, понимая, что от неё показаний не будет, даже имя своё она не говорила, выла только, зло сказал:

– Сыч, заткни ее, наконец.

Тот и сам был в бешенстве, от этой тупой бабищи, взял кнут из арсенала местного палача и полоснул её по жирной спине. Звонкий щелчок! И кожа вздулась фиолетовым рубцом.

Баба и вовсе взорвалась рёвом, да таким, что кавалер едва уши не закрыл руками. Но после следующего удара, она вдруг перестала выть и стала молить:

– Не надо, Господа ради, не бейте меня более. Хватит мне уже. Не велите ему меня бить, господин.

– Говорить будешь или ещё хочешь кнута? – Сурово спросил кавалер.

– Буду господин, скажите, что говорить нужно. – Подвывая и истерически всхлипывая, спрашивала толстуха.

Волков задать вопрос не успел, дверь отворилась, и в комнату вошёл Брюнхвальд, следом солдаты его втолкнули в склад мужика бледного, как полотно, а за ним ещё и сухую, видимо, болезную бабу с постным лицом и серыми поджатыми губами. Баба та, как увидела, что толстуха рыдает полуголая растянутая на козлах, а на спине у неё уже синие рубцы, так сразу и заорала истошно:

– Господи, да будь ты проклят, Ханс Раубе!

И закатив глаза, плашмя рухнула на пол, Брюнхвальд едва успел поймать её, чтобы она об каменный пол голову не разбила.

А Волков стал жмурить глаза и тереть их пальцами возле переносья, голова у него начала болеть от всего этого, полдень уже дано прошел, а он ещё и не обедал. И обед, видимо, откладывался.

Брюнхвальд ушёл ловить остальных, а кавалер опрашивать доставленных людей не стал, послал Ёгана в ближайшую харчевню за едой. Он забыл, что брат Иона утром возложил на него епитимью с постом. И поэтому с удовольствием принялся за горох с салом, а потом и за пирог с зайчатинной. Хотя сало прогоркло, а зайчатина в пироге местами была сыра, бывшему

солдату вся еда сошла за хорошее. Всё это улучшило его настроение, а пиво, хотя и не очень доброе, вроде как спасло его от головной боли.

А тем временем Брюнхвальд переловил почти всех, кто был у него в списке. Не было только молодого кузнеца Рудольфа Липке, хотя он как раз и не был Волкову нужен: «Вряд ли молодой парень будет писать донос на смазливую бабёнку, которая ему даёт», – размышлял кавалер.

А мужики и бабы сидели тихонько на лавке у стены, бабы поскуливали и едва дышали от страха, даже жену фермера отвязали от козлов. Она куталась в рваные одежды, сидела с разбитой мордой – смиренная, тихая.

На улице к этому времени уже темнело, кавалер нехорошим взглядом смотрел на всех этих скулящих и хнычущих женщин, перепуганных мужчин, и вдруг махнул рукой, и сказал Брюнхвальду:

– Карл, тащите их всех к дьяволу, в крепкий дом. Завтра ими займусь. Сегодня сил нет.

– А вдову с ними посадить? – Спросил Брюнхвальд тихо. И склонившись к уху кавалера, добавил: – Или, может... – Он многозначительно замолчал.

– Чего? – Так же тихо спросил Волков. – О чём вы?

– Просто у меня давно бабы не было, – оправдывался старый солдат, – может, я возьму её себе на сегодня. Уж больно она приятна.

– Берите, только не вздумайте её в трактир тащить, а то мне отец Иона всё утро высказывал за неё, епитимью наложил.

– Я видел. – Кивал Брюнхвальд.

– Сейчас отпустите её, да скажите, что ночью к ней придёте, чтобы ждала.

– Думаете, не откажет она мне?

– Не откажет, не ей сейчас отказывать, а вздумает кобениться, так скажите, что посадите её в один подвал с этими, – Волков кивнул на баб и мужиков, что сидели у стены. – Уж ей точно с ними в одном подвале сидеть не захочется.

Брюнхвальд слушал и кивал, его лицо озарило восхищение:

– И то верно, хорошо, как вы всё придумали, ох, и умны вы, кавалер.

Его слова Волкову польстили.

Брюнхвальд, видно, с вдовой договорился. Был он в чистых штанах, вымыт, и сапоги его были начищены. Они сидели за столом, но не с монахами. Пред Брюнхвальдом стояло пиво, Волков, вспомнив, что ему пост в наказание назначили, сидел с водой кипячёной. И тут к ним подошёл человек в доброй одежде и, поклонившись, сказал:

– Доброго вам вечера, добрые люди. Мой господин барон фон Виттернауф, желает знать, не хотят ли добрые господа разделить с ним ужин?

У Брюнхвальда время ещё, вроде как, было, а Волков так и вовсе до утра был свободен, они переглянулись, и кавалер сказал:

– Мы рады будем хорошей компании.

– А не смутит ли добрых господ, что барон примет их в постели, так как болезнь досажает ему.

– Мы знаем о болезни твоего господина, – отвечал Волков, – и нас это не смутит.

Слуга ещё раз поклонился и жестом пригласил воинов в самые дорогие покои, что были в этом постоялом дворе.

Стол, придвинутый к кровати барона, был уже накрыт. Сам барон Виттернауф был слаб, но чист. Почти седые бородка и усы красиво подстрижены, барон был приветлив и улыбочив. Рядом с ним стоял брат Ипполит. Господа раскланялись и познакомились с бароном. Уселись

за стол. Барон предложил им вина, пока блюда не подадут, Брюнхвальд с радостью согласился, а кавалер отказался вежливо, просил воды.

– Вы не пьёте вина? – Удивился барон.

– У кавалера пост, – ответил за Волкова Брюнхвальд.

– Помилуйте, господа, так до Великого поста ещё три недели, – недоумевал барон.

– Кавалер Фолькоф, рыцарь божий, а у них всё не так как у простых людей, – продолжал говорить Карл.

– Ах, вот как, – уважительно произнёс барон, – значит, вы и еду скоромную не отведаете.

– Мне будет достаточно хлеба. – Отвечал Волков.

– А не тяжело ли вам будет, друг мой, сидеть за столом, на котором будут пироги и жареная свинина? – Спрашивал барон.

– Не волнуйтесь, господин барон, я уже дано привык. – Зачем-то соврал кавалер.

Барон понимающе кивал и восхищался, тем временем им подали пирог. Этот пирог был нечета той дряни, что Волков ел днём. И он пожалел, что у него пост, да делать было нечего, пост у рыцаря божьего, он ест хлеб.

А Брюнхвальд не постничал, получал удовольствие.

– Я слышал, господа, что вы охрана Инквизиции.

– Да, – сказал Волков, – нам была оказана сия честь.

– И что же, вы выявили колдуна или ведьму? Будете жечь?

– Выявили, – сказал Брюнхвальд, – да вот костёр отменяется. Оказалась, что это простая вдова, а не ведьма. Оговорили её. Всё это навет был. Теперь наветчиков ищем.

– И как же вы их найдёте? Неужто они под наветом подписались?

– Нет, клеветники так не делают, – усмехнулся кавалер, – вдова приятна наружностью, мы подумали, что привечала чужих мужей.

– Как и положено красивым вдовам, – смеялся барон.

Волков и Брюнхвальд тоже посмеялись. И Волков продолжил:

– Мы выяснили, кого она привечала, Карл их всех уже переловил вместе с жёнами, завтра допросим и выясним, кто писал навет. Думаем, что завтра будем всё знать. А если не узнаем, то будем искать писаря, что писал бумагу.

– Звучит так просто, – удивлялся барон.

Он вдруг задумался, забыл про гостей на минуту, господа уже думали, что, может, ему нездоровится. Но фон Виттернауф вернулся к ним из мыслей своих и спросил:

– И что ж, господа, работа сия не кажется вам сложной?

– Кажется тяжкой и неприятной, – отвечал Волков, – сложной не кажется.

– Неприятной?

– Да кому из рыцарей и воинов приятно будет бабам на дыбе руки выламывать, – продолжил кавалер.

– А как они выть могут! От их воя бежать охота. – Добавил Брюнхвальд. – А выть они могут полдня, не замолкая. Даже палач их остановить не может. По мне так уж лучше в осаде сидеть.

Барон смотрел на них внимательно то на одного, то на другого и опять думал. Волков пытался угадать, о чём думает барон, он давно понял, что барона что-то тяготит, и весь этот разговор неспроста. Да и само приглашение, скорее всего, было не случайным.

А Брюнхвальд ни о чём не думал, он с удовольствием ел великолепный пирог, запивал его вином, и заедал хорошим сыром и виноградом, редким в это время года.

– Значит, сия работа вам кажется неприятной, но не сложной, – задумчиво произнёс барон.

– Именно так, – сказал Брюнхвальд.

Кавалеру казалось, что вот-вот, и барон начнёт говорить о том, что его действительно интересовало, Волков очень надеялся, что сможет помочь человеку, который ездит на карете с гербом курфюрста, но барон перевёл разговор на другие темы:

– А вы, господа, раньше не при Инквизиции служили, кажется, вы из военного сословия?

– Да, – согласился Брюнхвальд, – и я, и кавалер из добрых людей.

И разговор потёк в другом русле. Но Волков ловил себя на мысли, что весь разговор складывается из вопросов барона и ответов не в меру, видимо, от вина болтливого Брюнхвальда. Барон узнал о них много, а они о бароне – ничего.

Вскоре Карл стал извиняться и сообщил, что ему пора. Его ждала вдова. Волков тоже отклонялся несмотря на то, что барон уговаривал его остаться. Невмоготу ему было сидеть полуголодным за столом с яствами.

За ними следом пошёл и брат Ипполит.

– Что за хворь у барона? – Спросил кавалер.

– Диагноз ещё не ясен, – отвечал юный монах.

– Чего? – Не понял Волков.

– Да не ясно, что за хворь у него, то ли кровавый понос, сиречь дизентерия, как говорили наши предки, то ли холера.

– Холера? У барона, как у простого мужика? – Удивлялся Волков.

– Так немилосердны болезни и к чёрному люду, и к нобилям, – отвечал монах, – ну, да ничего, я думаю, вылечу его.

– Сколько он пролежит?

– Велю неделю лежать, а там как он захочет. Или как силы будут.

Волков кивнул и пошёл спать.

Глава 6

Утром, после завтрака, кавалер и все другие ждали, пока отец Иона выйдет из нужника, а тот сидел там дольше, чем в другие дни. А когда дождались, то монах, белый, как мел, сказал Волкову:

– Добрый человек, веди расследование сам, болен я сегодня, нехорошо мне. Узнай сам, кто на вдову клеветал, святые отцы и я отдохнём.

«Конечно, нехорошо тебе, – думал Волков, – меня на пост благословил, я хлебом ужинал, на пироги гляючи, а сам вчера один миску кислой, жареной капусты с колбасой съел. Той миски троим хватило бы. Да требухи полмиски. Да пива ещё. Отчего же тебе хорошо-то будет».

Но сказал он монаху другое:

– Не волнуйтесь, святой отец, я всё сделаю, по совести.

– Так ступайте, – брат Иона перекрестил его.

Угрюмым и злым Волков ротмистра Брюнхвальда знал ещё по Фёренбургу, а вот веселым и добрым видел впервые. Видно, вдова уж приласкала, так приласкала старого солдафона. Он аж светился весь. Был разговорчив и бодр.

И на радостях он быстро изловил с утра молодого кузнеца Рудольфа Липке, молодой человек был перепуган до смерти. Да более ничего с ним плохого не случилось.

Волков сидел чернее тучи и сходил с ума от брани и стенаний четырёх женщин и клятв четырёх мужчин. Поэтому он решил:

– В том, что вы, мужики, ко вдове ходили, большого греха нет, скажите попу своему, чтобы вам епитимью назначил. Всё! Сыч, гони их отсюда. Только баб оставь.

От такой несправедливости бабы завывали ещё дружнее и громче.

И Сычу, и помощникам его приходилось приводить их в чувство кулаками и палками.

И весь остальной день пришлось их мучать по очереди, но без ярости. Без кнута, горячего железа и дыбов. И были они упорны, отпирались все, пока, под вечер, не сказала одна из них, жена столяра Ханса Раубе, что ей об измене мужа рассказала мать кузнеца Рудольфа Липке, Магда Липке, а до этого о том, что муж ходит к вдове Вайс, она и не слыхивала. Так же она сказал, что Магда Липке говорила о том, что нужно собрать денег и вдову Вайс извести. Но жена столяра денег дать ей не хотела, и что было дальше не знает.

Волкову и говорить ничего не пришлось, он только глянул на Брюнхвальда, как тот кивнул и пошёл брать Магду Липке.

Кавалер всё был зол, сидел, ел принесённый Ёганом варёный горох без всего. Даже без соли. Заедал его хлебом и запивал водой. Глядел, как Сыч одну за другой таскает упрямых баб к его столу, а бабы всё запирались, отнекивались, клялись, что ни при чём и про наветы не знают.

На дворе уже темнело, когда Брюнхвальд приволок мать кузнеца, Магду Липке. Жена эта была достойной, по виду и по одежде. Да нравом дурна, и стала говорить кавалеру холодно, и язвила высокомерно. Отнекивалась с вызовом. Не поняла, куда попала, да и не поняла, кто её спрашивает. Думала, что муж её, цеховой голова, человек в городе не последний, авось, никто не посмеет её тронуть. А беда этой женщины была в том, что Волков был раздражён плохой едой и упрямством женщин, и глупой спесью самой Терезы Липке.

Но он дал глупой бабе последний шанс и сам о том предупредил:

– Последний раз спрашиваю тебя ласково, приходила ли ты к жене столяра Раубе Матильде, говорила ей о том, что муж её ходит ко вдове Вайс. Говорила о том, что денег нужно собрать, чтобы вдову Вайс извести?

– Дура она, – холодно отвечала мать кузнеца, – я ей сказала, что муж её ко вдове ходит, про деньги я ей ничего не говорила.

Волков глянул на жену столяра, та сидела, даже головы не подняла, даже взглянуть на Магду Липке боялась.

– Дура она, значит? – Переспросил кавалер, теперь он был уверен, что эта Магда Липке точно причастна к делу.

– Так всем понятно, что дура она, – с вызовом говорила мать кузнеца, – непонятно, чего это Святая Инквизиция бабьими распрями занимается?

– Непонятно тебе? – Спросил кавалер таким тоном, который и Сыч, и Ёган хорошо знали. Даже Брюнхвальд глянул на Волкова с опаской. А тот, вставая из-за стола, обещал глупой бабе:

– Сейчас ты всё поймёшь. – И заорал: – Сыч, одёжу с неё долой, на дыбу её.

– Не посмеете! – Взвизгнула баба.

Да куда там, Сыч и помощники его, только взглянув на кавалера, поняли, что ласки больше не будет, и стали раздевать Магду Липке. А так как она пыталась сопротивляться и оскорблять их, то платье на ней порвали, а саму голую, тащили к дыбе по полу и били её немилосердно. Вряд ли эта женщина испытывала в жизни такой позор и такое обращение. Затем, заломив ей руки, приподняли над полом, так, что едва на цыпочках стояла она. И орала надрывно от позора и боли.

Сыч взял в руки кнут, глянул на кавалера. Тот поднял один палец, что значило один удар. Сыч и ударил. Откуда только умения набрался. Ударил с оттягом, со щелчком. Конец хлыста лёг как надо, от зада пошёл к лопаткам, пройдя меж заломанных рук и оставляя кровавый рубец вдоль всей спины. Магда Липке заорала от боли, обмочилась, а потом стихла. И в здании стало тихо-тихо.

Волков, уставший от галдежа, стонов и воя аж зажмурился от тишины такой. Так хорошо ему стало, что сидел так, наверное, целую минуту, а открыв глаза с удовлетворением отметил, что все бабы сидят тихо и от страха даже не шевелятся. Даже мать кузнеца, что висела на дыбе, не издавала ни звука, разве что носом шмыгала тихонечко. И монахи перьями не скрипели и не разговаривали.

Он встал размять ногу, нить стала, пошёл к висящей на дыбе женщине взял её за волосы, задрал её лицо к себе и спросил:

– И где спесь твоя вся теперь?

Женщина не ответила, кряхтела только, так как руки ей верёвка выламывала.

– Взрослая женщина, висишь тут голая, кнутом битая, в позоре и моче своей, – продолжал он, – а все оттого, что дура. Не она дура, – Волков кивнул на жену столяра, – ты дура. И это только начало, Сыч, расскажи ей, что дальше будет.

– Дальше будет тебе не сладко, – обещал Фриц Ламме, – дальше будет тебе кнут, а если кожа сойдёт, то сапог из сыромятной кожи, одену я его тебе, и над жаровней греть стану пока кожа тебе все косточки в ноге не переломает, ходить уже не сможешь. Или железо калить начну, тебе телеса им жечь, кочергу, раскалённую в зад, хочешь? Или, может, ещё куда тебе её засунуть?

Волков так и не выпускал её волос, смотрел ей в лицо. И она простонала:

– Простите, господин.

– За что? – Он уже готов был обрадоваться, но, видно, рано.

– За спесь мою, простите. – С трудом говорила Магда Липке.

– Только за спесь?

– Только! – Выдавила она.

Волков выпустил её волосы, и сухо сказал:

– Сыч, поднимай её.

Помощники Сыча потянули верёвку, и ноги женщины совсем оторвались от пола, руки её захрустели, и она истошно заорала.

А Волков поглядел на других женщин, что в ужасе сидели на лавке и ждали своей очереди. Ему в голову пришла простая мысль.

Он подошёл к толстой жене фермера, сильной солдатской лапой схватил её за лицо, сдавил щёки крепко и, заглядывая ей в глаза, спросил:

– Она тебя подбила на клевету?

Он так крепко сдавил ей щёки, что толстуха не могла говорить, она только пыталась трясти головой в знак согласия.

Тогда кавалер выпустил её и спросил ещё раз:

– Говори, чтобы писари слышали тебя, кто тебя подбил на клевету?

– Она, – говорила жена фермера, указывая на висящую на дыбе женщину, – Магда Липке меня подбила.

– Вы вдвоём это делали? – Спросил кавалер.

Как только он это спросил, слева от толстой жены фермера завывала жена столяра Иоганна Раубе Петра. Сползла с лавки на пол и там стала рыдать.

– Она? – Спросил кавалер у жены фермера.

Та судорожно кивала, говорить от страха не могла.

– Говори, – заорал кавалер, – писари слова твои записывают! Имена всех назови! Громко! Кто навет делал?

– Ма... Ма... Магда Липке, – лепетала толстуха, – Петра Раубе и я. Всё.

– Имя своё назови.

– Вильма Кройсбахер.

– А эти две женщины к делу не причастны? – Кавалер указал на жену извозчика и жену столяра Ханса Раубе.

– Нет, господин.

– Хорошо, – произнёс Волков, – хорошо. За то, что запиралась менее других, буду просить святых отцов о снисхождении для тебя.

– О, Господи, спаси вас Бог, – толстуха потянулась руку целовать, да Волков руки не дал:

– Э, нет, говори сначала, кто навет писал.

– Писарь Веберкляйн. Из городской магистратуры. Два талера взял, шельмец, за талер не соглашался, говорил, что грех.

– Веберкляйн, Веберкляйн. Прекрасно. – Волков глянул на писарей, те всё записывали. – Значит, за талер писать не хотел, потому что грех, а за два, значит, написал, греха в том не усмотрел. Молодец.

– Да, господин, так и было, господин, а что мне будет за это?

– Святые отцы решат, – отвечал кавалер, – я только дело веду, а судят они.

Волков глянул на Брюнхвальда:

– Карл, берите этого писаря.

– Сюда везти? – Спросил ротмистр.

– Нет, поздно уже, в подвал тащите его, и вот этих трёх, а этих, – кавалер указал на двух женщин, жену возничего и жену столяра Ханса Раубе, – этих отпустить, вины их я не нашёл.

Обе женщины вскочили, обе кинулись к рыцарю, целовали руку ему, благодарили, а он сказал:

– Карл, дайте им провожатого, чтобы до дома женщин проводил, поздно уже, темно.

И они его опять благодарили, кланялись ему, называли справедливым человеком.

И сам он себя таким считал.

Ротмистр поехал брать писаря, отвозить баб в тюрьму, а кавалер поехал в трактир. Монахи уже спать легли, и поэтому он через Ёгана заказал себе колбасы, ел её как вор, у себя в покоях, боялся, что увидят монахи. А поев, ждал Брюнхвальда внизу за столом, а тот всё не ехал. Пошел, справился, вернулись ли люди, что были с ротмистром. А люди давно вернулись и сказали, что ротмистр велел им ехать одним, а сам поехал к бабе. И Волков знал, к какой бабе поехал старый солдафон. Он велел Ёгану принести воды помыться, а затем лёг спать. Лежал, завидовал Брюнхвальду, он бы сейчас и сам от приятной вдовы не отказался.

Глава 7

Спал плохо – проснулся злой. Наорал на Ёгана, ругал его лентяем, мерзавцем. Да не помогло. Пошёл вниз, увидел, как монахи завтракают – ещё больше обозлился. С ними за стол не сел, ел еду постною. Дрянь всякую, что мужики едят весной. А хотелось молока, да хлеба белого с мёдом, яиц жареных. Оттого настроение не улучшилось. Пошёл на улицу, а там оттепель, дождь, грязища на дворе. Поскользнулся, едва не упал, всё на виду у своих людей. Стоят бездельники, тридцать шесть человек, да ещё сержант, да ещё сам Брюнхвальд. Попробуй, найди на такую прорву народа денег. А лошади, четырнадцать голов. Овса, сена каждый день дай. А монахи, что жрут бесконечно. О... Господи, вернуться бы в Ланн. Интересно как там дела?

Максимилиан подошёл к нему и поклонился:

– Господин кавалер, ваш конь осёдлан. Может еще что-то надобно?

– Найди почту здешнюю, узнай, нет ли писем для меня.

Максимилиан ушёл, ни слова не сказав. А Волков на грязи, на льду, да под дождём стоять не хотел, вернулся в тёплый трактир, ждать пока отец Иона закончит свои утренние дела.

Почта была, видимо, не далеко, вскоре Максимилиан вернулся с бумагой, отдал её Волкову и сказал:

– Письмо три дня уже лежало. От кого, не ясно. Взяли с меня двенадцать крейцеров.

Кавалер молча отдал деньги юноше, поломал сургуч и стал читать.

Он знал от кого это письмо. Писал ему отец Семион, с которым они судили и сожгли чернокнижника в Фёренбурге и который вместе с Волковым за это попал под следствие. В письме было:

«Господин и друг мой, добрый человек, рыцарь божий Иероним Фолькоф. Пишу вам я, отец Семион. – Чёртов пройдоха, – добавлял от себя кавалер, – Со мной всё хорошо, живу в монастыре, добрый аббат Илларион из уважения к вам работами меня не донимает.

Дело наше не кончается, папский нунций всё ещё требует вернуть раку, и нас сыскать, не уgomонится никак, а архиепископ раку не думает отдавать никому, ни хозяевам, ни епископу Вильбурга. Хотя тот приезжал, просил её. «И этот тут, – думал кавалер, – старая сволочь». – Раку возят по городам, ставят в храмах. Народ на неё ходит молиться. Вас все благодарят. А дома у вас не всё хорошо, – «Ну ещё бы», – ваша Брунхильда проживает в беспутстве с пекарем своим, и ещё один к ней стал ходить, молодой, из благородных, но к нему она пока не благосклонна, до себя не пускает. Она денег просила, говорила, что кончились те, что вы оставили. Как вы и велели, ей денег я не дал, дал пол талера кухарке вашей и талер девице вашей Агнес. А девица ваша Агнес, читает без конца, книги разные, а что читает, мне не показывает, книгу тряпкой закрывает, как я подхожу. Злая стала, может словом осадить любого. Ещё стала ходить по городу одна и возвращается запоздно. Кухарка ваша говорила, что иной раз и ночью приходит. Ничего не боится, где бывает – не говорит. Стала спать в вашей комнате, Брунхильду она ругает последними словами. И Брунхильда и сама кухарка её стали бояться.

А Роха ваш приходил спать к вам, жена его пьяного погнала, спал на лавке возле очага, просил денег, три талера, на уголь для кузни и для кузнеца. Для железа и работ, на мушкеты. Дал ему, как вы велели. Да боюсь, они с кузнецом пьют. Деньги давал из ваших средств, что вы мне оставили.

Более новостей у меня нет, благословенны будьте.

Друг ваш и слуга отец Семион».

Вот и как тут хорошему настроению быть. Ну, ни одной доброй новости. Ни одной. Сидел кавалер руки опускались, ни к чему желания нет. И тут из нужника пришёл отец Иона. Шёл тяжело. Вздыхал тяжело и говорил ему:

– Вы, сын мой, ступайте, дознание закончите сами, а мы отлежимся денёк, да бумаги почитаем по делу, которые нам писари вчера принесли. Всё вроде как уже прояснилось, вы только показания со всех баб, что навет удумали, возьмите. Все должны сказать, что признают вину или пусть хоть одна из них скажет, но, чтобы она и на других показала. И писарь, что навет писал, пусть тоже скажет. А завтра уже с делом и покончим. А сегодня мне отлежаться надобно. Невмоготу мне.

«Да, уж конечно неважно будет, если жрать так-то», – думал Волков и обещал:

– Всё, что нужно, я сделаю, святой отец.

– На то и благословляю вас, сын мой, – заканчивал отец Иона.

Но раз уж день начался плохо, чего уж удивляться тому, что он и продолжается плохо. Едва он слез с коня, у склада его встретил хмурый Брюнхвальд.

– И где вы были, Карл? – спросил кавалер. – Похвастайтесь.

– Там вас ждут люди, – не здороваясь, начал ротмистр, – местные, злые.

– Чего хотят? – Без тени волнения спросил кавалер.

– Одну из баб, что вчера вечером велено было в тюрьму отвести, перед тем как отвести, взяли силой. Прямо здесь.

– Магду Липке? – Волков стал ещё мрачнее.

Брюнхвальд кивнул.

– Сыч?

Брюнхвальд опять кивнул и добавил:

– И мои два олуха, из тех, что ему помогали.

– Господи, – Волков остановился, стал тереть глаза руками, – да что ж это такое. Досады одна за другой, одна за другой идут. И края им не видать. – Он вздохнул. – Люди эти из богатых?

– Да, и при оружии они.

– При оружии? – Волков удивился.

– С мечами и кинжалами. Девять человек.

– Посылайте в трактир за людьми.

– Уже послал.

– Ну, что ж, пойдёмте, поглядим на этих бюргеров-воjak.

Провинциальные богачи из мелких городков, одежда дорогая, но не такая как носят в Ланне, теперь Волков уже видел разницу. У одного из пришедших тяжёлая серебряная цепь, он самый старший, остальные глядят с вызовом, особенно четверо самых молодых.

Волков не спесив, поклонился им первый и низко:

– Вы ко мне, честные люди?

Они тоже кланялись, но коротко, без особого почтения.

– К вам, – отвечал тот, что был с цепью, – я Липке, меня здесь все знают, голова гильдии кузнецов, скобянщиков и медников, я требую справедливости! Мою честь поругали ваши люди!

Этот Липке весь кипел, морда красная, не ровён час удар его от злобы хватит, он едва сдерживался. А Волков был напротив, показательно спокоен.

Он прошёл к столу и сел за него по-хозяйски. Гостям же присесть не предложил, чтобы знали кто тут хозяин, а кто проситель.

Брюнхвальд стал рядом. Сыч и два его помощника стояли в стороне. Лица не испуганы, но напряжены, угрюмы. Уже по этим мордам кавалер понял, что эта троица виновна. Такие лица были, обычно, у пойманных дезертиров, которые не боялись ничего, и уже знали, чем всё закончится.

– Кто и как поругал вашу честь? – Спокойно спросил кавалер.

– Ваши люди! – Заорал один из молодых. Указал пальцем в сторону Сыча. – Вон те.

– Это наш палач и его помощники, они люди честные, но бывают, и грубы. Коли оскорбили вас словом, так я за них приношу извинения вам...

– Каким ещё словом!? – Заорал один молодой, – они...

Его оттолкнул сам Липке, и заговорил с яростью тряся пальцем:

– Не словом! Не словом! Они надругались над моей женой, все трое, брали её как блудную девку, прямо тут по очереди, как собаки на собачьей свадьбе! А потом поруганную, да в драной одежде вели ночью через весь город. И бросили в холодный подвал.

– И свидетели того, как брали её силой, есть у вас? – Холодно спросил кавалер.

– Какие же свидетели, то ночью было, тут было, тут ругались над ней двери заперев. – Орал молодой человек, подходя к его столу ближе.

Волков опять растёр лицо ладонями, вздохнул и, ожидая взрыва праведного негодования, отвечал с холодным безразличием:

– Конечно, свидетелей нет. Потому как не было того, что говорите вы. И быть того не может, честные господа, чтобы палач Святого Трибунала брал женщин, что находятся под Инквизицией, силой. Сие невозможно. Да и добром он не мог взять. Разве что она сама им предложила. Такое всё время случается. Может ей самой собачьей свадьбы захотелось. Женщины на всё идут...

Договорить не успел, знал он, что слова его вызовут в пришедших ярость, так оно и случилось.

Все они загалдели дружно и кинулись кто к столу, кто к Сычу и его помощникам. Началась потасовка, Сыча не ударили ни разу, ловок он был, а вот его помощникам досталось. Одного сбили с ног и ударили несколько раз головой об лавку, а другого дважды лягнули в пах, тоже повалили. Топтали.

– Выдай нам осквернителей, – орал Липке. – Выдайте!

– На суд их, собак! – Орал ещё кто-то.

Волков сидел, не шевелясь, и ни звука не издавая. А ещё он улыбался с вызовом. Он знал, что делал. Самый молодой из пришедших кинулся к нему, перегнулся через стол и замахнулся.

Наверное, и ударил бы, да тут крикнул громко Брюнхвальд:

– Не смей!

И между молодым и кавалером рассёк воздух меч, тонко звякнул о доски стола.

– Не смей! На кого руку поднял, подлец?! – Продолжал ротмистр свирепо.

В следственный зал вбежал сержант и солдаты. Они стали хватать местных, отнимать у них оружие.

«Болван, Брюнхвальд, – думал, вздыхая кавалер, – всё испортил, а денег то можно было спросить с этих жирных кабанчиков, у них имеются, жаль, что сопляк меня не ударил, а за двух потрёпанных помощников палача много не взять».

Но даже когда у местных солдаты отняли всё оружие, они не унимались:

– Выдайте нам осквернителей, мы их судить будем! – Не унимался глава гильдии кузнецов.

Кавалер не оставил надежду, хоть чуть-чуть взять денег с них, встал, опёрся на стол, наклонился вперёд и заговорил, холодно глядя на пришедших исподлобья:

– Мятеж устроить хотите? На рыцаря божьего, на хранителя Святого Трибунала руку подняли? Ложью добрых людей поругали, в подлости осквернения их обвинив.

– Они осквернители! – Кричал тот молодой, что подбегал к столу. – А вы их покрывать надумали! Видим мы, что вы на их стороне!

– Стойте, злобой дышите, – спокойно продолжал Волков, как будто не слышал его, – безнаказанностью своей упиваетесь. К справедливости уповаете, а сами бабёнку свою освобож-

дать пришли, знаете уже, что она в навете уличена, так вы пришли, чтобы её от наказания заслуженного освободить.

– Она не врёт, они брали её, как шлюху, а она достойная женщина! – Не унимался молодой.

– Она в навете уличена! – Заорал кавалер. – Какая же она достойная?

Она вдову оболгала, под костёр её подвести хотела, и на палачей моих клеветает. В чём же достоинство её? Нет у неё достоинства!

– Так вдова шлюха! У неё под подолом весь город был! А может и не только город, – многозначительно заметил один из горожан.

– Так шлюх лечат позорным столбом и плетью, а не костром как ведьм. – Волков сел на лавку. – В железо вас брать не буду, но не надейтесь, что грубость ваша без наказания останется, о случившемся я доложу прелат-комиссару отцу Ионе, и всем остальным отцам из комиссии доложу, и бургомистру вашему тоже, они решат, что делать с вами дальше. Ступайте.

– Ступайте? – Заорал молодой. – Ступайте? Вы не отдадите для суда своих людей?

– Ступайте. И благодарите Бога, что не в железе в подвал идёте, а по домам своим. – Повторил он холодно.

Оружие горожанам вернули и выпроводили их вон. И только тут кавалер глянул на Сыча и его помощников. И взгляд его, их не обрадовал. А Брюнхвальд и вовсе не поленился подойти к ним и сказать слова такие, что лица помощников Сыча стали кислы.

Кавалер сидел и тёр висок, вздыхал, ещё раз сожалел о том, что сопляк его не ударил, и приступил к делу. А так всё могло хорошо получиться.

Вольфганг Веберкляйн был милым и вежливым юношей, служил он четвёртым писарем при магистратуре города. Ночь, проведённая им в холодной тюрьме, его наставила на путь истинный. Запираться он и не думал. Говорил всё охотно и честно. Писари не успевали за ним писать.

Со слов юноши, к нему пришла Магда Липке, просила написать донос, а он отказался, так как боялся. Она стала сулить деньги, и говорила, что это дело праведное, так как вдова Вайс шлюха, а сыну Магды Липке жениться надобно на хорошей невесте, что выгодно для семейного дела, а он ходит к вдове-шлюхе. Не иначе она его приворожила. А шлюху вдову уже предупреждали. И слова ей постыдные прилюдно говорили. И за космы её уже драли на рынке. В том числе драла и Марта Кройсбахер, толстая жена фермера, что сидит сейчас здесь. А шлюха Вайс всё не отказывалась от распутства своего. И чужих мужей до себя пускала. И тогда женщины собрали деньги и дали ему два талера. И говорили, что она ведьма, что она мужчин привораживает. Поэтому молодой писарь и согласился писать донос.

Марта Кройсбахер жена фермера и Петра Раубе жена столяра его слова подтвердили. Говорили: всё так. И все указывали на Магду Липке как на зачинщицу. А та сидела в дорогом разодранном платье, прятала в него срам свой, без чепца, с распущенными волосами. И глядела на всех люто. И ни в чём не сознавалась. Отпиралась и лаялась. Её показания уже и не были нужны, но кавалера она злила, даже спокойного Брюнхвальда раздражала злобой своей и непреклонностью.

– Последний раз говорю тебе, – спрашивал её Волков, – признай ты, что навет твоя затея?

– Ложь всё, и суд твой не праведный, – говорила злая баба заносчиво, – и холопы твои осквернители.

Волков вздохнул и сказал писцам:

– Идите в трактир, дел сегодня нет у вас больше. А вы, Карл, писаря и этих двух баб в крепкий дом ведите. На сегодня всё.

Он дождался, пока все покинут помещение, там остались только Сыч, два его помощника, Магда Липке и он.

– Сыч, – подозвал кавалер.

– Да, экселенц, – Сыч быстро подбежал к нему.

– Глянь на улице, нет ли кого из тех горожан, что приходили спасать бабу эту. – Произнёс Волков тихо.

Фриц Ламме кивнул и бегом кинулся к двери. Выскочил наружу.

Его помощники притихли, не знали, чего и ожидать. Поглядывали на рыцаря с опаской. А вот Магда Липке почувствовала беду, она ерзла на лавке, куталась в обрывки одежды, тоже на кавалера пялилась. А кавалер был невозмутим. Ждал Сыча.

Сыч вернулся и сказал:

– Нет, никого вокруг, простой люд по делам ходит, и всё.

Тогда кавалер встал и подошёл к женщине:

– Зря ты злобствовала и упрямяствовала, злобы твоей не боюсь. А упрямяство твоё тебе боком выйдет.

– Зря мой сын тебя не ударил, жалею о том, – с ненавистью произнесла женщина.

– И я о том жалею, много бы я денег с вас взял бы, если бы он меня ударил, а потом руку я бы ему отрезал. – Он чуть помолчал и добавил. – Сыч, берите её ещё раз, видно понравилась ей первая собачья свадьба, раз второй добивается. Только чтобы не орала она, чтобы тихо всё было. А ты так и скажешь потом мужу и сыновьям своим. Скажешь, что я, Иероним Фолькоф велел второй раз тебя брать. Пусть знают, псы, как людей моих без разрешения моего трогать. И как руку на меня поднимать. Слышал Сыч, постарайтесь, сделайте, чтобы ей понравилось.

– Всё сделаем, экселенц, – оскалился Фриц Ламме, – уж не забудет.

Баба смотрела на Волкова с лютой злобой, а когда он повернулся, она плюнула ему в след, непреклонная. А Сыч стянул её с лавки и пнул в бок. Стал одежду с неё срывать. Баба стала биться, выкручиваться. Помощники кинулись ему помогать. Может и не хотелось им больше этой бабы теперь, да разве откажешься, когда господин велит.

Волков остановился и подозвал Сыча к себе:

– Как закончите с ней, в подвал её отведёте, ко мне придёшь.

– Да, экселенц.

– Палку мне хорошую найди, крепкую.

– Найду, экселенц, – обещал Сыч.

Он проводил рыцаря до двери и запер её за ним.

Вернулся и рассказал о неприятном деле святым отцам, рассказал всё, как было, кроме того, что оставил сегодня Магду Липке с Сычом и его помощниками, оставил умышленно, в назидание. И о том рассказал, что дело с наветом решено, писарь и три бабы виноваты, сам писарь и деве бабы вину полностью признали, а одна, зачинщица, злобствует, и вины нет признаёт.

Он готовился к тому, что отцы в ужас придут, от того, что горожане в насилии палача обвиняют, а отцы не пришли в ужас. Были спокойны. Не поверили они горожанам. А отец Николас сказал:

– Так всегда и бывает. Коли у осуждённой есть покровители, так они, греха не боясь, всегда противодействуют.

– Да, так всегда и бывает. Не впервой нам. – Заверил отец Иоганн.

– Завтра вынесем приговор поутру, – сказал Отец Иона, – хворь моя, слава Богу, отошла, сила во мне есть, вынесем приговор праведный. Послезавтра проследим о его исполнении, поглядим казнь, в обед помолимся, а после обеда и отъедем дальше.

– Казнь? – Удивился кавалер.

– Так не до смерти, конечно, серебро возьмём, а все виновные будут кнутом биты у столба. – Сказал отец Иоганн успокоительно.

– Языки, – добавил отец Николас.

– Ах, да, – вспомнил отец Николас, – конечно. Ещё усечение языка за навет положено.

– Усечение языка? – Вслух думал Волков. – Немилосердно, как бабам да без языка?

– А по-другому нет сил бороться со злыязычием. – Говорил отец Иона, вздыхая тягостно, – у нас на пять доносов – четыре навета.

– Клевещут людишки друг на друга, хотя клевета и большой грех, а всё равно клевещут. – Соглашались святые отцы.

– А вы молодец, – хвалили его попы, – с делом быстро управились, и мятежников усмирили.

– Будем писать отцу Иллариону, что довольны вами, господин рыцарь. – Говорил отец Иона, изнывая в ожидании обеда. Глазами ища мальчишку, что кушанья подаёт.

А время уже подошло, им стали подавать еду на стол. Волков заказал себе еду, как положено – постную.

В плохом настроении после простой еды, он валялся раздетый и босой на своей кровати, опять читал письмо от отца Семиона. Когда пришел Сыч и постучался в дверь, Волков велел войти, не вставая с кровати, он спросил:

– Просьбу мою исполнил?

– Всё сделал, как вы просили, теперь эта паскуда, нас до гробовой доски не забудет, – ухмылялся Фриц Ламме. – Мы её по очереди в зад имели, рот ей завязали, чтобы не орала, так она выть стала и глаза таращила так, что они чуть не вывалились, она едва не обделалась, от натуги, а мы от смеха чуть не померли...

Он бы и дальше рассказывал свои весёлые истории, да кавалеру надоело, он перебил его:

– Я не про то тебя спрашивал, я спросил, ты палку принёс мне?

– А, вы про палку? – Догадался Сыч, показал ему крепкую узловатую палку. – Вам с ней ходить неудобно будет, лучше состругать удобную. С перекладиной.

Кавалер встал с кровати, взял у Сыча палку, взвесил её в руке и остался ей доволен. Ни сказав не слова, он врезал Сычу, да так крепко и скоро, что тот и увернуться не успел.

– Ох, Господи! – Заорал тот.

А Волков стал бить его, бил сильно и приговаривал:

– Руки опустил, я сказал, опустил руки. Пёс шелудивый, паскудник, стань ровно.

Он бил его по ляжкам, по рёбрам, Фриц Ламме поднимал руки, чтобы защититься, тогда кавалер замирал с поднятой палкой и говорил снова:

– Я сказал тебе руки опустить.

Сыч послушно опускал руки и получал страшный удар по левой ляжке, от которого его всего продёргивало, и он кривился, силясь не заорать.

Он сгибался, и получал палкой по боку так, что дыхание у него сбивалось. А кавалер не успокаивался, особенно когда вспоминал, что Сыч ещё и к Брунхильде ходил, от того ещё больше бесился.

Он отбил ему ноги, и руки, и спину, и бок, отбил ему всё, только по башке не бил, и остановился, когда Фриц Ламме просто не мог уже стоять, и упал на пол. Скрючился на полу, и тряся от боли и напряжения, а по щеке его текли беззвучные слёзы. Он тяжело дышал, словно бежал долго.

Кавалер поставил ему на спину ногу и спросил:

– Знаешь, за что?

– За бабу эту старую. Паскуду Липке.

– Значит, знаешь.

– Знаю, экселенц, – хрипел Сыч. – Простите. Не знаю, как так произошло, меня эти двое...

– Не ври! Не смей мне врать! – Он опять замахнулся палкой, да бить не стал. – Не они тебя подбили, а ты их.

– Да, экселенц, простите.

– Считаю, что простил, но, если ещё раз меня так подведёшь, на прощение не надейся, сдам тебя родственникам, пускай тебя оскопят и повесят.

– Спасибо, экселенц.

– Убирайся.

Волков откинул в угол палку и лёг на кровать, стал только успокаиваться, да полежать ему не пришлось, в дверь постучали.

– Кто?

– Брюнхвальд, кавалер.

– Входите, Карл.

Брюнхвальд вошёл в комнату, был он при оружии, доспехе и со шлемом в руке.

– Господин кавалер, наша корпорация просит вас быть сейчас у северного выезда из города.

Волков сел на кровати по полному доспеху всё сразу понял:

– Братский суд?

– Братский суд, – кивнул Брюнхвальд.

Когда солдаты Брюнхвальда шли сюда, в Альк, никакого барабана у них Волков не видел, может в обозе везли. Но сейчас барабанщик бил в барабан, когда они с ротмистром приблизились. Волков был в полном доспехе и в шлеме, Брюнхвальд тоже. За ними ехал Максимилиан, вёз штандарт кавалера, он и Ёган были в одежде с гербом и в цветах Волкова.

Барабан забил дробь при их приближении.

Всадники остановились на пригорке.

– Стройся! – Орал сержант.

Солдаты строились, а сержант пошёл к всадникам, скользя по грязи. Подойдя, он низко поклонился и заговорил:

– Добрый рыцарь, Иероним Фолькоф, которого все зовут Инквизитором, наша корпорация, что живёт у стены на вашей земле в городе Ланне, просит у вас прощения, за то, что два балована из наших рядов, устроив проказу, взяли силой бабу, без вашего дозволения, чем и подвели вас. Так же и подвели нашего ротмистра. Корпорация наша наказала мне просить вашего прощения. Шкодники будут наказаны, как полагают все воинские корпорации: будут наказаны братским судом. Считаете вы, Иероним Фолькоф, рыцарь по прозвищу Инквизитор, что братского суда будет достаточно для прощения?

Он замолчал, ожидая слов кавалера. Тот выдержал паузу и громко, чтобы все слышали, сказал:

– Считаю.

Сержант повернулся к солдатам:

– Добрые люди, кавалер считает, что братского суда будет достаточно.

Солдаты загудели и застучали оружием о доспехи.

– Стройся в две шеренги, – орал сержант.

Он, было, уже пошёл к солдатам, но Волков его окликнул:

– Сержант!

– Что, господин рыцарь? – Он остановился.

– Не усердствуйте, – негромко сказал кавалер.

Сержант молча кивнул и побежал к солдатам.

Барабан бил сигнал «строиться».

Солдаты построились в две шеренги, разошлись на четыре шага и встали лицом к лицу. В руках у них были прутья толщиной в палец.

Два солдата, те, что были помощниками у Сыча, уже скинули рубахи, стояли босые, только в одних портках.

К одному из них подошёл сержант и ещё два солдата, сержант протянул ему небольшую палку, солдат взял её. Потом двое его сослуживцев встали плечом к плечу, провинившийся вздохнул, глянул на всадников и поклонился им.

Волков и Брюнхвальд поклонились в ответ.

Солдат взял палку в зубы, и положил руки свои на плечи сослуживцам, словно обнимал двух друзей сразу. Со стороны казалось, что два товарища ведут раненного или пьяного. Сослуживцы крепко взяли его за руки, каждый за свою.

Барабан забил сигнал «готовьтесь».

Они встали перед коридором из людей, и ждали, пока сержант даст команду. И сержант крикнул:

– Исполняйте!

Барабан стал бить команду «приставной шаг» и сослуживцы повели провинившегося в коридор из солдат с палками.

«Бум». – Все пехотинцы знают этот звук барабана. – Первая нога – Шаг!

«Бум». – Вторая нога – приставил.

«Бум». Первая нога – шаг.

«Бум» Вторая нога – приставил.

Так двигается выученная баталия, сколько бы не было в ней шеренг, и сколько бы не было людей в шеренге, если есть барабан, то все делают свой шаг одновременно. Под этот сигнал барабана баталии идут в бой.

Идут и ждут другого сигнала барабана, который значит: «пики вперёд»,

Но в этот день такого сигнала не будет, как только сослуживцы довели провинившегося до первого солдата из строя, тот замахнулся палкой и...

«Бум» – взмах – и мерзкий звук: жирный шлепок палки по голой спине – бьёт один солдат.

«Бум» – гремит барабан, палка другого солдата, с другой стороны, занесена в небо – шлепок палки по голой спине.

«Бум» стучит барабан – новый шаг и новый солдат замахивается палкой. Шлепок, звук противный, и новый рубец на спине.

Тёплый ветер с юго-востока полощет штандарт бело-синий, с чёрным вороном. Всадники молчат – смотрят. Стучит и стучит барабан. Солдаты бьют и бьют брата-солдата палками по спине. И справа, и слева. У провинившегося рубцы от палок на спине, в виде ёлки, от хребта к рёбрам. Некоторые удары рвут кожу, кровь течёт. К концу строя провинившийся уже не идёт сам, а его волокут два солдата. Ноги он едва переставляет по грязи. Но ни стоны не издал, палку из зубов не выпустил. Дело кончено.

Его отводят к телеге, кладут в неё, накрывают рогожей. Теперь очередь второго.

Всё повторяется до мелочей, палка в зубы, два товарища кладут его руки себе на плечи, чтобы не падал в конце, бой барабана, звучные шлепки. Телега, рогожа.

Всё, братский суд окончен.

Никто из провинившихся не пискнул, не скулил – добрые солдаты.

И они ещё благодарны будут, что так отделались, могли и из корпорации выгнать. А могло ещё хуже быть. Дело могло кончиться скрещенными оглоблями обозной телеги, которые задраны вверх, да петлёй из грубой веревки, что с них свисает.

Кавалер повернул коня, поехал в город, ротмистр ехал рядом, Максимилиан и Ёган за ними.

Они мало говорили, так и доехали до трактира, а когда кавалер поворачивал к воротам, Брюнхвальд вдруг попрощался.

– Вы куда? – Удивился кавалер.

– Завтра с утра буду, – не стал отвечать ротмистр.

– Хорошо, – Волков смотрел ему в след. И думал: «Старый солдафон, никак, к вдове поехал, видать понравилась она ему».

А в трактире его ждал брат Ипполит, он пошёл с Волковым в его комнату, и стоял, смотрел как Максимилиан, снимает с рыцаря доспехи.

– Максимилиан, – говорил кавалер.

– Да господин, – отвечал юноша, отстёгивая наплечник.

– Ты видел сегодня братский суд впервые?

– Да, господин.

– Что думаешь?

– Солдаты вели себя достойно, – отвечал оруженосец. – Я не слышал ни звука.

Это были те слова, что Волков хотел услышать от молодого человека, больше говорить с ним он не собирался. А вот юноше было, что сказать ему, вернее, о чём просить его, и он начал:

– Кавалер.

– Да.

– Говорят, что вы искусный воин, что и мечом, и арбалетом, и копьем владеете в совершенстве.

– И кто же это говорит?

– Все. Ваш слуга Ёган, Фриц Ламме.

– Они-то откуда знают, они со мной на войне не были.

– Ёган видел, как вы дрались на поединке, ночью в одном замке и как ранили хорошего воина. И как били стражников одного барона, какого-то. И как вы зарубили топором упыря. И как вы дрались на арбалетах с самым лучшим рыцарем герцога Ребенрее, и убили его после того, как он вас ранил. Это все видели. – Говорил юноша почти восхищённо.

– Глупости всё это, я бился потому, что другого выхода не было у меня. Смог бы так, и не бился бы.

– Ёган говорит, что после того, как вы бились ночью на дуэли и победили, знатная и очень красивая дама вас в свои покои пустила. – Восхищался Максимилиан Брюнхвальд.

– Болтает, дурень, а ты слушаешь. – Отвечал кавалер, как ни странно, все эти рассказы и всё восхищение юноши не вызывали в нём гордости. Только лёгкую досаду. Он и сам не мог понять, почему.

– Всё равно, я хочу просить вас. – Не сдавался Максимилиан.

– О чём?

– Я хочу просить вас о нескольких уроках, я брал уроки владения.

– Я тебе уже говорил, что воевать больше не желаю, и тебе не советую выбирать воинское ремесло. Твой отец полжизни воюет, а серебра не нажил. И всё что было, потерял, хотя он и добрый воин. А я хоть и нажил немного, да вот ран, что меня изводят, намного больше, чем того серебра. А многие так и вовсе не дожили до лет моих.

– Я помню, господин, – говорил юноша, снимая с больной ноги поножи, – но вдруг мне понадобится меч в делах чести.

– Ладно, но сначала попрактикуйся в стрельбе из арбалета и аркебузы, да и неплохо было бы вам поработать с солдатским тесаком, у вашего отца есть пара солдат, что неплохи в этом деле.

Да и копье с алебардой лишними не будут. Умение воинское нелишнее, даже если и ремесло мирное будет. Поучу.

– Спасибо, господин. – Радовался Максимилиан.

- Ну, а тебе чего? – Наконец обратил внимание кавалер на монаха.
 - Господин, барон, коего я лечу, всё время о вас спрашивает.
 - Зачем? – Насторожился Волков.
 - Не говорит, только всё о вас знать желает.
 - И что ты сказал уже? Как и Ёган болтаешь, сочиняешь байки обо мне?
 - Нет, только правду говорил, что упырей вы извили в Рютте. Что чернокнижника поймали в Фёренбурге.
 - Так почему он спрашивает? – Не мог понять кавалер.
 - Не знаю, иной раз читаю ему книги, чтобы он не скучал, а он меня прервёт, да про вас и спросит. Каков вы, да как вы упырей искали.
 - Ясно, так чего ты хочешь? – Спросил Волков, вставая и разминая тело после доспеха.
 - Барон спрашивает о вас, а я иной раз и сказать не могу, не знаю, разрешите ли вы говорить о вас это.
 - Говори, всё, что, правда. И без бахвальства. Только узнай, зачем он спрашивает.
 - Да господин.
 - Идите, – он завалился на кровать, – Максимилиан, узнай, когда ужин. А ты, монах, сходи к солдатам, там двое прихворали.
- Молодые люди кланялись и ушли, а он лежал на перинах и опять немного завидовал ротмистру. Он и сам был не прочь пообщаться с красивой вдовой после ужина.

Глава 8

Он когда-то особо и не разбирался в еде. Еда есть еда, главное, чтобы брюхо было сыто. Солдатская заповедь. Но это было до того, как он попал в гвардию. Там он стал привыкать к белому хлебу, к яйцам, к молоку и мёду на завтрак. Привык настолько, что бобы с луком и хлеб, даже на оливковом масле, вызывали у него раздражение. Настроение после такого завтрака было у него плохое. А тут ещё бургомистр пришёл. Господин Гюнтериг, вроде, как и говорил заискивающе, и вид у него был просящий, но на самом деле он упрямо гнул своё:

– Наш город верный слуга императора. Понимаете?

– Все мы верные слуги императора. – Сказал кавалер.

– У нас есть грамота от императора, где он записал наши привилегии в торговле сеном и овсом. Когда еретики были у стен Ланна, мы поставляли императору фураж бесплатно.

– Сие похвально.

– Скорбью было бы для нашего города, что жёнам нашим был уготован позор. Мы не хуже других городов.

– Так для любого города было бы скорбью, а от меня вы что хотите? – Спрашивал Волков, надеясь, что отец Иона выйдет из нужника и этот разговор можно будет закончить.

– Общество хочет знать, что ожидает жён и юного писаря?

– Так спросите у святых отцов, я только страж. Откуда мне знать.

– Но вы же вели следствие!

– Помогал, только помогал. Тем более, что приговоры выносят отцы, а не я. Так что спрашивайте у членов Святого Трибунала.

Отцы комиссары дело уже прочли, наверное, и решение уже приняли.

– Уж больно отцы комиссары суровы, к ним и подойти боязно, – бургомистр не собирался от него отставать, – может, вы мне скажете.

– Не правда ваша, прелат-комиссар отец Иона – добрейшей души человек.

– И всё-таки, я бы от вас хотел услышать, мы всё-таки миряне, нам легче договориться...

Гюнтериг начинал уже раздражать кавалера, Волков понимал, куда тот клонит, да ещё и отец Иона сегодня засиделся. И он спросил напрямую:

– Да что ж вам сказать-то? Чего же вы хотите от меня? Говорите, чего ходите вокруг, да около.

– Надобно, освободить от суровой кары, жён наших. – Выпалил бургомистр. – Посодействуйте. Общество просит.

– Общество? А не то ли общество на меня кидалось драться? Не общество ли ваше било палача и людей его? – Он замолчал, и, приблизив своё лицо к лицу Гюнтерига, добавил. – Люди ваши на меня, рыцаря божьего, руку поднимали!

– Раскаиваются, – ни капли не смутился Гюнтериг, – господин рыцарь, они раскаиваются. Просят содействовать жёнам.

– Жёнам? Или Магде Липке?

– Магде Липке, родственники очень волнуются за неё.

– Да не за неё они волнуются, они за себя волнуются. Не хотят, чтобы их бабу на площади кнутом били, – он опять приблизился к бургомистру, – то позор большой. Для всей семьи позор.

– Просят они за неё... Сулят. – Не отставал бургомистр.

– Сулят! Мне их посулы ни к чему, да и пустое это. Святые отцы больно злы на наветчиков. И я зол. Так что ступайте к святым отцам, за кого другого ещё просил бы, а за Магду Липке я просить не буду. Из-за навета тут сидим, время тратим и деньги вместо того, чтобы ведьм суду предавать.

– Ну, а за нашего писаря, за Вольфганга Веберкляйна попросите? Родители его так убиваются, так убиваются. Нижайше просят о снисхождении. Он хороший молодой человек, неопытен ещё.

– Хорошо, о нём поговорю, – согласился кавалер, – сколько дадут родители, чтобы ему не было позора?

– Они люди не богатые...

– Сколько?

– Десять талеров, монетой земли Ребенрее.

– Не сильно они за сына волнуются. – Кривился Волков.

– Они люди не богатые. – Молитвенно сложил руки бургомистр. – Очень надеются на доброту вашу.

– Хорошо, за него я поговорю, – согласился кавалер, тем более что к мальчишке он злости не испытывал. – А за остальных двух женщин не просить?

– Пусть Бог им судьёй будет, – отвечал бургомистр, – и всё-таки, может, походатайствуете насчёт Магды...

– К святым отцам, – перебил его кавалер. – Кстати, бургомистр, вы бы эшафот перед ратушей поставили бы. И палачу деньги вперёд выдайте.

– Да как же так, – искренне удивился бургомистр, – неужто всё на казну города ляжет.

– Именно, комиссия только расследование ведёт, правду ищет, и суд вершит – приговор выносит. А экзекуция то дело власти мирской. Ваше дело.

– Экзекуция? – Переспросил бургомистр.

– Исполнение.

– За счёт казны?

– Эшафот и палач за ваш счёт. И не забудьте помост с лавками, для святых отцов, чтобы следить за делом могли. И не делайте грустного лица, мы не сами сюда приехали, это ваши жёны нас сюда пригласили.

Бургомистр и сам начинал ненавидеть баб и их проклятый навет. Он кивал понимающе, а сам подсчитывал расходы городской казны.

Кавалер настраивался на сложный разговор со святыми отцами по поводу писаря Вольфганга Веберкляйна, но разговор вышел на диво лёгкий и быстрый.

– Это тот писарь, что донос писал? – Спросил отец Иоганн.

– Да, и семья просит от казни его освободить, – пояснял кавалер.

– За десять монет?

– Да.

– Так мало они дают за язык сына.

– Бургомистр сказал, что семья не богата.

– Не богата? Ну, что ж, берите, что есть, – сказал отец Николас, – нам алчность не к лицу. Ещё штраф ему выпишем десять монет, и будет хорошо.

– Да, да, – кивал отец Иоганн, – будет хорошо. Будет достойно. А только за писаря деньги предлагали?

– Нет, ещё за зачинщицу, – отвечал кавалер, – за Магду Липке, но я отверг. Подлая баба, не раскаялась.

– Ну, что ж, – сказал отец Иоганн, может даже и чуть разочарованный. – Пусть так. А за остальных жён давали?

– Нет, бургомистр сказал, что Бог им судья.

– Ну, что ж, ну, что ж, – отец Иоганн внимательно смотрел на Волкова, и тихо произносил, – сын мой, утаить серебро от Святого Трибунала, есть грех корысти. Не утаил ли ты себе мзду?

– Отец мой, – Волков не отводил глаз и говорил так же тихо, – даже думать о том, что я утаю мзду, для меня оскорбление.

– Да благословен будь, – отец Николас осенил кавалера крестом.

Но Волков не считал, что разговор окончен:

– Святые отцы.

– Да сын мой.

– Куда пойдёт серебро, что мы возьмём тут? Затраты у меня велики, добрым людям платить нечем, как время платить придёт.

– Да знаем мы, знаем, – успокаивал отец Иоганн, – всё серебро, что тут возьмём, пусть людям твоим идёт.

– Не волнуйся, рыцарь, в другом городе найдём ведьм, все затраты покроются. – Говорил отец Николас.

– Не было такого, чтобы сатана Святой Трибунал без серебра оставил, – добавил отец Николас.

И оба отца засмеялись, а Волков приободрился, видя, что не волнуются монахи.

Отец Иона бледен был, хворь не отпускала его, поэтому вставал с лавки он тяжело, и говорил не громко. И чтобы было тихо, чтобы слышали его люди, что битком набились в зал, кавалеру пришлось предпринимать усилия, и кое-кого взашей гнать на улицу.

Провинившиеся сидели на лавке, вокруг них солдаты, и монахи сидели, остальные все стояли. Слушали внимательно. А отец Иона говорил:

– Господом, и Святой Церковью, право данное мне судить пусть оспорит кто. Есть такие? Никто не оспорил. Брат Иона обвёл всех взглядом и продолжал:

– Нет никого? Писарь, пиши, оспаривающих нет. Я, брат ордена Святых вод Йордана, ауксиларий славного города Ланна и приор монастыря Святых вод Йордана, прелат-комиссар Святого Трибунала Инквизиции брат Иона. И архипресвитер кафедрального собора славного города Ланна и члена комиссии Святого Трибунала Инквизиции, отец Николас. И брат ордена Святых вод Йордана, каноник, член комиссии Святого Трибунала Инквизиции, отец Иоганн, взяли вести расследование по делу о навете, и пришли к такому решению: Магда Липке, жена головы гильдии кузнецов города Алька, и Петра Раубе – жена столяра, и Марта Кройсбахер, и писарь городского магистрата Вольфганг Веберкляйн, решив сотворить зло, удумали навет, и клеветали против вдовы Гертруды Вайс, что держит сыроварню здесь же в городе Альк.

Инквизиция установила, что зачинщицей была Магда Липке, сама она была на следствии зла, запиралась, говорить не хотела и не каялась. На вдову Вайс она клеветала, так как сын её ко вдове ходил за мужским. И та его привечала. Петра Раубе и Марта Кройсбахер тоже на вдову были злы и клеветали, так как мужья их ходили к вдове за мужским, и та их привечала. Обе жены сии говорили неохотно, только после покаялись. Писарь Вольфганг Веберкляйн не запирался, говорил охотно и каялся, зла на вдову не имел, бумагу стал писать за мзду в два талера, что сулили ему жены, что зло затеяли.

Брат Ипполит вздохнул, ещё раз обвёл глазами собравшихся. Все, и женщины, и мужчины, и солдаты, и даже кавалер с ротмистром внимательно слушали, ждали, когда монах продолжит и тот продолжил:

– Святой Трибунал постановил: Магду Липке бить кнутом у столба пятнадцать раз.

Женщина смотрела на него яростно, а по залу прокатился ропот удивления.

– С мужа Марты Липке взять пятнадцать талеров земли Ребенрее или четырнадцать талеров славного города Ланна. А язык ей усечь, как положено за клевету и наговор.

– Да как же так, это что, праведный суд? – Орал кто-то, люди заволновались, а кавалер выглядел орущего и указал на него ротмистру пальцем. – Какая ж в нём праведность. Невинных судят!

Солдаты тут же схватили человека, а он надумал сопротивляться, так на нём платье дорогое тут же порвали и били его в кровь, а он орал:

– Неправедный суд, неправедный!

Его поволокли по полу и выгнали из зала.

– Подлость, – заорала Магда Липке, вскакивая с лавки и придерживая разодранное в лохмотья платье, – подлость, а не суд.

– Будешь ещё Трибунал облаивать, так мы тебе ещё и клеймо присудим, – тоже встал со своего места отец Николас и указал перстом на злую бабу. – На лоб! Угомонись жена, Богом тебя прошу.

Женщина села, но успокоиться не могла. А брат Иона оглядел всех и продолжил, негромко:

– Петра Раубе, тебя Трибунал приговаривает бить кнутом у столба, десять раз, пусть муж твой заплатит пять талеров земли Ребенрее Трибуналу, также мы приговариваем тебя к усечению языка за навет и клевету.

– А-а-а, – заорала женщина, потом зарыдала.

А отец Иона говорил дальше:

– Марта Кройсбахер, приговариваем тебя бить кнутом у столба десять раз, пусть муж той заплатит за тебя пять талеров, приговариваем тебя, также, к усечению языка.

– О, Господи, да за что же, – завывала толстуха, – это они меня подбили на клевету.

– За навет и клевету. – Закончил брат Иона.

– Я не виновата, Господи, ну вы хотя бы денег у мужа не берите. Он убьёт меня.

– Не убьёт, – заверил толстуху отец Николас, – то грех, а вот поучить тебя, пускай поучит, чтобы урок был.

– Да и так уже будет, – рыдал женщина. – Не берите денег с него.

– Ему и самому урок будет, как в блуд ходить, – добавил отец Иоганн.

Бабы рыдали, их пришлось тычками затыкать, чтобы не мешали читать приговор отцу Ионе. Только злобная Магда Липке молчала, тарасилась на судей да горела внутри огнём злобы.

– Трибунал приговаривает, – продолжал толстый прелат-комиссар тихим голосом, – Вольфганга Веберкляйна, писаря городского магистрата к десяти талерам земли Ребенрее штрафа в пользу Трибунала Святой инквизиции. За корысть. И пусть два талера, что взял за подлое дело, тоже принесёт.

Юноша встал и низко кланялся несколько раз судьям.

Волков думал, что уже закончили, но, к его удивлению, отец Иона продолжил чтение приговора:

– Святая Инквизиция также постановила, Гертруду Вайс, вдову... Её что-то нету здесь, – удивлялся монах, – ну да ладно, бить её у столба кнутом пять раз и взять с неё два талера земли Ребенрее штрафа в пользу Трибунала. А также пусть она день стоит у столба, чтобы все видели её.

Брюнхвальд озадаченно уставился на Волкова, но тот сам об этом слышал впервые. Он и сам был удивлён.

– Деньги все пусть выплатит городской магистрат из казны, а город пусть потом все деньги взыщет с виновных.

Люди из магистрата и сам бургомистр рады такому раскладу не были, стояли с кислыми лицами. Да разве тут поспоришь?

– Святым отцам города Альк, ночью быть при осуждённых, исповедовать их и дать им причастие. На том всё. Трибунал свою работу закончил. Кавалер, добрый человек, проследите, чтобы приговор зачитали на рыночной площади и у главной кирхи города.

Да, простит нас Господь.

Люди стали расходиться, женщины завывали снова. И с новой силой. Их потащили в тюрьму. Приговор Волков забрал у писаря и передал Брюнхвальду, а сам поспешил поймать бургомистра, и поймав его сказал:

– Господин бургомистр, деньги мне принесите сегодня, мне нужно будет с трактирщиком рассчитаться.

Господин Гюнтериг кивнул невесело.

– И те десять монет, что обещали мне за содействие вашему писарю. Не забудьте.

Гюнтериг опять кивнул.

– И не забудьте, что к рассвету эшафот на площади должен быть готов. И чтобы лавки для святых отцов были.

На этот раз Гюнтериг даже не кивнул, только смотрел на Волкова, поджав губы.

– И не смотрите на меня так, вон на баб своих так смотрите, – зло говорил кавалер, – если бы не они, нас тут не было бы.

Господин бургомистр и на этот раз промолчал.

Он ещё не доехал до постоянного двора, как его догнал Брюнхвальд и заговорил сразу.

– Отчего попы вдову решили наказать?

Волков глянул на него удивлённо, но ничего не ответил.

– А вы знали, что вдову пороть собираются? – Продолжал ротмистр, видно этот вопрос не давал ему покоя.

– Нет, с чего мне знать, я ж не выношу приговоров.

– За что бабу бить будут, не понятно.

– Всё понятно, за блуд.

Волкову было понятно, а вот Брюнхвальду нет, он не соглашался.

– Так не замужем она.

– Карл, я не буду спорить, мне всё рано.

Они въехали во двор трактира, но видимо ротмистр не считал разговор законченным:

– Кнутом бить будут, да ещё два талера возьмут.

– Ничего, не обеднеет, сыр всегда людям нужен будет.

– И ещё у столба стоять весь день, на позоре.

– Карл, что вы хотите? – Волков слез с коня.

– Может попросить попов, чтобы изменили приговор? – Предложил Брюнхвальд.

– Вы в своём уме? – Волков стал пристально его разглядывать, – изменить приговор, да Максимилиан его уже на рынке прочёл, теперь у церкви читает, да и с чего бы попам менять приговор.

А-а, старый вы дурень, Брюнхвальд, – догадался кавалер, – вам что, приглянулась вдова?

– Причём здесь это, – бурчал ротмистр, – приговор не справедливый.

– А по мне так справедливый.

– Пять ударов кнутом по женской коже? Справедливо?

– Скажем Сычу, чтобы бил милостиво, чтобы не попортил кожу.

– А два талера?

– Карл, я целыми днями думаю о том, чем платить вашим людям и вам, – начинал злиться Волков, – и я даже представить боюсь, сколько ещё с меня попросит трактирщик за постой. И уж я, не задумываясь, возьму с вдовы два талера, а раз вы так за неё переживаете, отдайте эти пару монет сами.

Брюнхвальд насупился, стал таким, каким Волков его увидел в первый раз, суровым и жёстким:

– У столба её будут день привязанной держать.

– Попы уедут, сразу отпустим.

– Позор ей будет.

– Ей уже позор. Весь город знает, что к ней мужики ходили. Да и весь город знать будет, что трём бабам из-за неё языки повырывали.

– Думаете ей лучше уехать? Думаете, что семейство Липке ей не простит этого?

Кавалер развёл руками, мол: ты и сам всё понимаешь. Он бросил поводья Ёгану и пошёл в трактир, ему совсем не хотелось продолжать этот разговор, а вот Брюнхвальд ещё, видимо, не закончил. Шёл за ним.

Да, на счастье Волкова, почти в дверях трактира его встретил брат Ипполит, и, поздоровавшись, произнёс:

– Господин, есть ли у вас время поговорить с бароном?

– Есть, – сразу согласился кавалер. – А что он хочет?

– Думается мне, он вам хочет дело предложить.

– Дело? Один барон мне уже дело предлагал. Мне не понравилось. – Волков готов был отказаться, да нельзя отказывать человеку, который ездит на карете с гербом герцога Ребенрее, даже не выслушав его. – А что за дело, не знаешь?

– Не знаю, думаю, дело будет конфиденциальное.

Брюнхвальд хмурый стоял рядом, ждал, Волков глянул на него и сказал монаху:

– Конфиденциальное. Ну, пойдем, послушаем.

Барон уже не лежал в кровати, выглядел лучше, Волков сразу это отметил:

– Рад, что вы идёте на поправку, барон, – сказал он, садясь в кресло и беря у слуги стакан с вином.

– Всё благодаря вам, кавалер, этот молодой монах на удивление неплохой лекарь, и чтец, и умник, – отвечал фон Виттернауф, садясь в кресло напротив. – Как идёт ваша инквизиция?

– Дело закончено, ведьм не нашли, бабы оклеветали вдову к которой ходили их мужа.

– Как раз тот случай, когда вдова была весёлой. – Усмехнулся барон.

– Ну, теперь ей уже не до веселья, получит пять кнутов и ненависть семей, чьим жёнам палач отрежет языки за навет.

– В общем, все получают то, что заслужили.

– Да.

– Вы не пьете вино, – заметил барон, – ах, да, я забыл, вы держите какой-то свой пост.

– Святые отцы решили, что я недостаточно свят для их миссии, наложили епитимью. – Волкову было нелегко, речь барона была изыскана и утончённа, в прошлый раз, когда они были тут с Брюнхвальдом, барон говорил проще. Кавалер пытался говорить так же.

– Я позвал вас, чтобы поговорить с вами. Вас это не удивило? – Начал барон.

– Судя по тому, сколько вы обо мне расспрашивали, это должно было случиться. – Заметил Волков.

– Да, наверное, вы правы, может быть для вас, моё приглашение было очевидным, – едва заметно улыбнулся фон Виттернауф. – понимаете, у меня есть одно дело, но...

Он замолчал. И кавалер продолжил за него:

– Вы бы хотели услышать от меня обещание, что ваше дело будет тайной, и я никому о нём не расскажу?

– Вы удивляете меня своей проницательностью, – сказал барон, – именно об этом я и хотел вас просить.

Волков чуть подумал, вздохнул, и отпил вина, пост – постом, а когда речь идёт о серьёзном деле можно и вина выпить. И начал:

– Барон, у меня сейчас не простое положение, через неделю я должен выплатить людям довольствие, ещё мне нужно будет заплатить за постой в этом трактире, а он не дешёв. Думаю,

что мне потребуется сто монет, а Трибунал не собрал в этом городе и пятидесяти. Мало того, я не могу бросить святых отцов и заняться другими делами. Поэтому, я не буду вам ничего обещать, вряд ли я смогу помочь вам. Так что, лучше, не раскрывайте мне своего тайного дела.

– С вашими делами смог справиться и ваш ротмистр. – Заметил барон. – Охранять попов не мудрёное дело.

– Да, может быть, но обстоятельства складываются так, что я не могу бросить это дело.

– Я слышал о вас ещё до того, как мне рассказал о вас ваш монах, я, конечно, не знал вашего имени, но случай с дуэлью сделал вас известным при дворе принца.

– Боюсь, что эта слава не послужит мне добром, – отвечал кавалер.

– Да уж, известие о смерти Кранкля огорчило принца. Но он умный человек, уверяю вас. Вы, наверное, догадались, что я близок ко двору курфюрста.

– Карета с его гербом стоит во дворе. Не трудно догадаться.

– Я уполномоченный посол Его Высочества герцога Карла Оттона четвёртого курфюрста Ребенрее.

Волков жестом произвёл знак уважения.

– И я, и герцог, и мой друг, канцлер земли Ребенрее Венцель – продолжал барон, – были бы вам признательны, кавалер, если бы вы оказали нам услугу. Я наслышан о ваших подвигах, полагаю, что именно вы нам и нужны.

Барон замолчал, ожидая реакции кавалера.

А вот теперь Волков совсем не хотел оказывать услугу всем этим знатным господам. Подвиги! Нет, что-то не нравилось ему в этом деле. Неужели у такого влиятельного человека как принц Карл, которого считают вторым человеком в империи, не нашлось желающих оказать ему услугу. Не может такого быть. Нет, хватит с него подвигов, за один подвиг он получил пожизненную хромоту и вечную боль в ноге, за второй такой подвиг, папский нунций требовал следствия и устроил ему розыск. Нет, Волков и знать не хотел, что это за дело:

– Дорогой барон, я не могу бросить святых отцов.

– Вы говорили о том, что вам не хватает пятьдесят талеров. Это решаемый вопрос. Моя посольская казна ограничена, но я готов выделить вам деньги.

– Дело не в деньгах. Дело...

Барон его прервал, он уже не был так любезен.

– Кавалер, против вас ведётся дознание в Ланне, бургомистр Фёренбурга мечтает колесовать вас на площади. Не думаю, я, что в вашем положении следует отталкивать руку дружбы. Тем более, что услуга будет вознаграждена.

– Против меня ведётся дело в Ланне, и магистрат Фёренбурга хочет видеть меня на своей площади именно потому, что я, в своё время, не оттолкнул такой руки, которую вы мне теперь протягиваете. – Он встал, передал бокал с вином слуге, – пока я не могу принять вашего предложения, барон. Я служу Святому Трибуналу.

Он поклонился и пошёл к двери, а барон Виттернауф вставать не стал, только кивнул в ответ. Он был явно недоволен переговорами.

А Волков шёл к себе и надеялся, что следующее дело инквизиции, даст ему денег, чтобы полностью расплатиться с людьми ротмистра. И ему не придётся связываться с делами, за которые ему будут благодарны столь влиятельные нобили.

Глава 9

– Тепло совсем уже, – говорил отец Иоганн, оглядывая собравшуюся толпу. – Ветер южный.

– Так дело уже к пасхе пошло, – отвечал ему отец Николас, – скоро великий пост. Надобно до поста поесть, как следует, а то, когда ещё разговеешься.

– Надобно, надобно, – кивал отец Иоганн и улыбался. Сообщал доверительно. – Поедим, братия. Сегодня после экзекуции и поедем. Я просил трактирщика жарить нам поросёнка.

При слове «поесть» взгляд бледного отца Ионы загорелся. Он всё ещё хворал нутром, похудел, пил капли и кутался в рогожу, хотя ветер был тёплый, но поесть поросёнка был готов. А что ж, дело сделали, виновных нашли, осудили, отчего не поесть поросёнка.

– Поросёнка это хорошо, – кивал он, – с горчицей и мёдом очень хорошо поросёнка кушать.

– Именно, именно, – соглашались с ним святые отцы.

А народу на площади было уже столько, что солдат на всё не хватало, именно для этого святые отцы и брали столько солдат, в остальные дни надобно было едва четверть от отряда. Люди приезжали с окрестных деревень семьями, с детьми, брали с собой еду. Ехали смотреть казнь.

– Не пускай их сюда, – орал Брюнхвальд своим людям. – На пять шагов к эшафоту не пускай. Эй, ты! Убирай телегу, прочь, не ставь тут.

– Бургомистр скряга, эшафот из палок построил, – говорил кавалер.

– Да и Бог с ним, всё равно завтра разберут его.

– Да простоит ли он до завтра, сейчас взойдут на него шесть человек, как бы не рухнул он.

– Будем Богу молиться – не рухнет, – говорил ротмистр и тут же опять орал. – Куда с телегой прёшь? Сержант, не пускай их сюда с телегами, заворачивай их на улице обратно.

Бургомистр, члены магистрата, местные святые отцы и прочие нобили – все были в сборе. Женщин тоже привели, они стояли у эшафота. Покорные, не рыдали даже. Среди них была и вдова Вайс. Зная, что на эшафоте ей заголят спину, она была только в юбке и полотняной рубахе, и в чепце, да под шалью. Лицо её было бледное, почти белое, подстать рубахе. Она то и дело бросала взгляды на Брюнхвальда. Тот ей едва заметно кивал. А потом начинал разговор:

– Ваш Сыч-то не подведёт? Не станет с неё кожу снимать?

– Карл, мы уже пять раз говорили об этом. – Устало отвечал Волков.

– Я волнуюсь.

– Да не волнуйтесь вы.

Волкова начинала раздражать эта ситуация, не вовремя ротмистр затеял эти игры в любовь. Да и не та была бабёнка, чтобы так за неё волноваться. Повалить такую в перинах – это кто ж против будет, а вот в рыцарство играть-то зачем?

– Старый дурень, – тихо сказал кавалер тихо, чтоб Брюнхвальд не слышал, – истинно говорят: седина в бороду бес в ребро. Или ещё куда.

– Что? – Не расслышал ротмистр.

– Говорю, все вроде собрались, чего святые отцы не начинают?

Брюнхвальд кивал соглашаясь.

А святые отцы, будто их услышали, переглянулись и отец Николас сказал:

– Так, все вроде собрались, может и начнём, Богу помолившись.

– Так, почитайте молитву, отец Николас, – предложил отец Иоганн.

– А что ж, почитаю, – отец Николас встал, распевно и громко стал читать короткую молитву, – люди, кто смог, кто был рядом, слушали его и ему вторили, но таких было не много, уж больно людно было на площади. А дочитав, отец Николас кивнул Волкову:

– Кавалер, так начинайте уже дело.

Волков кивнул и сказал Максимилиану:

– Идите на эшафот, прочитайте приговор, но читайте погромче, попробуйте перекричать толпу.

А святые отцы позвали палача. Фриц Ламме выглядел неважно, болел ещё после того, как кавалер избил его палкой. Но, несмотря на это он почти бегом прибежал к святым отцам.

– Ты, добрый человек, бабам языки под корень не режь, – говорил отец Иоганн, – кончик режь, пусть шепелявят, но чтоб говорили.

– Да святой отец, – кивал Сыч.

– Правильно, – соглашался отец Николас, – баба без языка умом тронуться может, муж такую из дома погонит. Не милосердно сие, под корень жёнам языки резать.

Сыч опять кивал.

А Максимилиан тем временем залез на эшафот и начал громко читать приговор, так началась экзекуция.

Со вдовой Сыч закончил быстро, Волкову показалось что уж совсем не бил её палач, а только порвал рубаху на спине и делал вид, что бьёт. Кнутом щёлкал, а она даже и не кричала. Зато Брюнхвальд весь издёргался сидя в седле. Кавалеру даже неприятно смотреть была на это. Грозный и строгий муж, крепкий словом и рукой, тут вдруг чуть не рыдает. Когда вдову свели с эшафота, он к ней хотел бежать, да Волков не дал ему:

– Карл, сидите в седле.

Он послушался, но всё равно пытался с коня разглядеть вдову. А та накрылась шалью, да и присела возле эшафота. А на эшафот вели уже Марту Раубе, женщина не то, чтобы умом тронулась, просто потерялась немного. Видно, не понимала, что происходит. Когда помощники палача снимали с неё одежду она даже упираться начала, удивлялась. И когда руки её привязывали к столбу, тоже сопротивлялась немного. Оглядывалась удивлённо. А поп, из местных, что на эшафоте был, уговаривал её не упрямиться, покориться. И вот с ней уже Сыч не милосердствовал.

Хлопок кнута, и на всю площадь, раздался женский крик. Крик не боли, а ужаса. И площадь, гомонящая и гудящая, вдруг притихла.

Люди приехали не зря, если с вдовой им было не интересно, то тут они уже всю наслаждались спектаклем страдания других людей.

А Сыч бил и бил её. После каждого удара женщина кричала и извивалась у столба. Руки её были привязаны к столбу высоко над головой, она почти висела на нём, и не спрятаться, ни согнуться женщина не могла, так что ей оставалось только извиваться после каждого удара да кричать на всю площадь.

Всё, она получила свои десять ударов, помощники Сыча отвязали её от столба, но одежды не дали, не отпустили. Поп опять говорил ей что-то, а она глядела на него стеклянными глазами, и не слышала будто. Её руки за спину завели, связали, а она стала о чём-то говорить палачам, просить их. Её на колени уже ставили, поп её успокаивал, а она говорила всё, лепетала что-то. Пока не увидела в руках Сыча большие щипцы, какими пользуется коновалы, тут она замолчала, закрыла рот, вытаращила глаза. Замычала. А голову ей запрокинули, и рот ей уже разжимали сильные мужские пальцы помощников. Сыч полез к ней в рот клешами, и на площади так тихо стало, что Волков услышал, как он говорит:

– Тихо, ты, дура, не балуй языком, зубы попорчу же.

Он поймал кончик языка клешами, чуть вытянул его у неё изо рта, и быстро острым ножом отсек кончик. Её отпустил, стали развязывать ей руки, а она и не кричала даже, столько сплёвывала кровь беспрестанно. А Сыч победно поднял на головой клещи, в которых был маленький кусочек плоти. Показал всем и разжал клещи, кинул кусок языка вниз с эшафота.

Площадь облегчённо загудела, люди радовались и тут же кричали:

– Давай другую!

– Следующую веди!

Пока Петру Раубе одевали, помощники волокли на эшафот толстую жену фермера Марту Кройсбахер, она выла, не замолкая и сама идти не могла, её с трудом тащили три крепких мужчины.

Когда Петру Раубе отдали мужу, толстуху уже призвали к столбу.

Сыч поиграл кнутом, встал, приготовился бить. А ему кричали из толпы:

– Давай уже, чего тянешь, толстозадая заждалась.

Все смеялись, даже Сыч усмехнулся и стал бить кнутом женщину.

А та стала орать, да так, что люди дивились такому могучему голосу. И после каждого удара кнутом, после каждого её крика толпа стала подвывать ей вслед, свистеть. И все смеялись потом.

Когда её отвязали, она не хотела язык давать, просила и просила не резать ей плоть. Умоляла. Да всё напрасно, связали ей руки, поставили на колени, запрокинули голову, и почти сразу Сыч поймал её язык щипцами и сразу отсек часть его.

Люди на площади радовались, а Сыч гордился собой, и по праву.

Всё он делал быстро и ладно.

Последняя была Магда Липке, она не боялась палача, женщина уже за своё чёрное дело многое получила, и те казни, что ей ещё предстояло пройти, её уже не пугали. На эшафот она шла сама. Твёрдой походкой. Когда с неё снимали её драную одежду, она не стеснялась стоять голой перед тысячей людей. Когда поп говорил ей что-то, она даже на него не взглянула.

Она всех собравшихся раздражала своей заносчивостью. Городские молча наслаждались её позором, никто из городских не крикнул бы ничего, все боялись её родственников, а вот те, что приехали из соседних мест, стали свистеть и кричать:

– Палач, ты ей спесь-то укороти. Чего она такая?

– Крепче бей её! Ишь, выпятила свою мохнатку старую, стоит, гордится!

– Порви ей шкуру то, а то прежних ты только гладил.

Сыч учёл пожелания людей, да и пожеланий ему не нужно было, он и так ненавидел эту сволочную бабу.

И как только её привязали к столбу, он размахнулся, как следует, со звонким хлопком, врезал ей по спине. Сразу рассёк кожу.

Магда Липке не выдержала, застонала тяжело и протяжно, а народ обрадовался, услышав её стон:

– Ты глянь, проняло, спесивую, завыла!

– Вжарь её еще, палач, чтобы прочувствовала!

И каждый следующий удар был соревнованием, палач, старался бить, чтобы женщина выла, а она старалась держаться, чтобы не выть. Но палач победил. Последние страшные удары она вынести не могла, орала на всю площадь, чем радовала толпу. А уж на последнем так и вовсе взмолилась:

– Господин, не бейте больше, простите, сил нет. Нет сил терпеть.

Сыч рад был слышать, как она его «господином» зовёт, очень рад, но не простил, и ударил последний раз. А уж как радовались люди на площади:

– Заскулила гордая!

– Палач, пиво тебе от нас будет.

– И свиная нога!

Фриц Ламме кланялся довольный. Но дело ещё было не закончено.

Женщину отвязывали от столба, крутили ей руки, а она говорила, как заведённая, глядя на палача:

– Господин, простите меня, простите.

– Рот открой, – сухо говорил Сыч.

Магда Липке послушно открыла рот.

То ли Сыча она уговорила, то ли он выполнял наказ святых отцов, но язык ей он весь резать не стал, отрезал маленький кусочек, как и остальным бабам. Показал всем клещи и крикнул:

– Это всё, последняя, эй, кто там обещал мне пива?

Магду Липке несли с эшафота, сама она идти не могла, вся спина её была располосована кнутом до мяса. А толпа смеялась, появились музыканты. Появились торговцы кренделями и сосисками, бочки с пивом. Кто-то стал расходиться, а кто-то стал покупать еду.

– А что, – говорил отец Иоганн, – наверное, и поросёнок уже поспел.

– Да-да, – соглашался отец Иона, – должен поспеть.

После казни он, кажется, стал себя чувствовать лучше.

Волков поехал в трактир, в телеге туда же поехали и святые отцы. Ёган, брат Ипполит и Максимилиан ехали с кавалером. Сыч остался на площади, обещал скоро быть, а Брюнхвальд исчез ещё до того, как Магде Липке отрезали язык. Кавалер так увлёкся действием, что не заметил, как исчез ротмистр. Но кавалер знал, куда тот делся. Потому что с площади исчезла и вдова Вайс.

Было утро, Волков рассчитывал, что, как только святые отцы отобедуют, он расплатится с трактирщиком, и уже сегодня они все отправятся дальше на юг, а в дороге им будут встречаться менее дорогие трактиры, чем тот, в котором они живут сейчас.

Кавалер не рассчитывал на поросёнка, у него был этот чёртов пост, попы даже не пригласили его за стол, чтобы не смущать. А поросёнок был очень аппетитный. Волков сидел над тарелкой проса на постном масле, и всё, что мог себе позволить, так это пиво.

И ещё он ждал бургомистра Гюнтерига с деньгами, а потом ему предстоял неприятный разговор с трактирщиком, кавалер даже предположить боялся, какую сумму ему выставит трактирщик. Монахи-то жили на широкую ногу. Спали в хороших комнатах, на перинах и простынях, а уж ели...

Бургомистр принёс положенные пятьдесят два талера. Попрошался. Был вежлив, хотя взгляд его говорил: век бы вас всех не видеть.

Настроение у рыцаря было плохое. Но делать было нечего, и он позвал трактирщика. Трактирщик Фридрих сел напротив него и сухо сказал:

– За всё с вас восемь монет и двадцать два крейцера.

– Что? Сколько? Да ты в своём уме? – Удивляйся Волков, он, конечно, подозревал, что денег тут они потратят много, но не столько же!

Видимо, трактирщик был готов к такой реакции, он своей лапой приложил к столу лист бумаги, видно, грамотный был мерзавец и стал грязным ногтем водить по строкам, приговаривая:

– Первый день, комнаты господам, комнаты холопам. Еда господам, еда холопам и солдатам. Фураж лошадям. Вода и уборка лошадям – сами убирали, так я и не приписываю. За еду лишнего не беру, все, что дали вам на стол или солдатам вашим, вот тут записано. Вот все цены. И того за первый день постоя один талер двенадцать крейцеров.

– Талер, двенадцать! – Морщился Волков. – Бандит ты.

– Да как же бандит, господин! – Возмутился трактирщик. – Вы ж со святыми отцами и с вашим офицером пять хороших комнат занимали, все с кроватями, с перинами, с окнами. Комнаты на ночь вам топили все, а ещё холопов и солдат, да монахов почитай пять десятков всех без малого. А лошади! Отчего же бандит!

– Семь монет дам, не забывай, ты дело богоугодное делал, ты Святую Инквизицию приютил!

– Приютил, оно конечно. Уж вам тут неплохо жилось. – Бубнил трактирщик. – Я и так для вас все цены на четверть скинул, а вы семь монет даёте!

И начался унылый торг, в котором каждый считал себя правым.

Закончился он к обоюдному неудовольствию сторон на сумме семь талеров и шестьдесят крейцеров.

Разозлённый трактирщик ушёл, а Волков в плохом настроении сидел за столом и пил пиво, но недолго, вскоре к нему за стол подсел Брюнхвальд. Кавалер сказал ему:

– Наконец-то, где вы ходите, Карл, нам уже скоро выезжать, пора грузить подводы и седлать лошадей.

На что ротмистр ему ответил, недолго думая:

– Я не еду, Иероним.

Волков опешил, смотрел на него и не знал, смеяться ли ему или орать, поэтому он спросил:

– Что значит, не едете? Мы, вроде как, договорились с вами, и вы, вроде как, работаете на меня.

– Я хотел просить вас об одолжении, я прошу отпустить меня. Мой сержант толковый малый, он сможет меня заменить.

Сержант был и впрямь толковый малый, но кавалера всё равно начало потряхивать, он бледнел от негодования:

– Карл, вы в своём уме? Что за шутки?

– Мне нужно остаться тут. – Отвечал Брюнхвальд твёрдо.

– Из-за этой вдовы? Да вы в своём уме, ротмистр? Вы бросаете меня в начале дела. Из-за этой женщины? Карл, у вас треть бороды уже в седине, а вы ведёте себя как безмозглый юнец!

– Мне нужно остаться тут. – Упрямо повторил Брюнхвальд.

– Она вас приворожила! – Догадался Волков. – Она точно ведьма!

– Она не ведьма, она добрая женщина и мягкая, она даже вас читает добрым человеком. Хотя никто другой про вас так даже не подумает.

– Она добрая и мягкая? – Кривился кавалер.

– Да, она добрая и мягкая. – Настаивал Брюнхвальд.

Волкова так и подмывало сказать, что вдова настолько мягкая и добрая, что половина города побывало у неё под подолом. Исключительно по доброте душевной. Но благоразумно сдержался.

– Иероним, – продолжал ротмистр серьёзно, – с ней хотят расправиться. В городе куча мерзавцев, которые ненавидят её.

Волкова это ничуть не удивляло. Он готов был уже принять решение Брюнхвальда, к тому же он вдруг вспомнил, что по договору, ротмистр обходился ему в три офицерские порции, то есть один стоил как двенадцать солдат. И кавалер произнёс:

– Ну, что ж, раз так, то оставьте себе пару солдат покрепче, но жалования я вам с сегодняшнего дня больше не плачу.

– Я знал, что на вас можно положиться, мой друг, – как ребёнок обрадовался Брюнхвальд, – пойду, скажу ей, что вы меня отпустили.

Он встал из-за стола.

– Смотрите, чтобы вас тут не зарезали, – сказал кавалер всё ещё недовольно.

– Я не позволю этим мерзавцам, – обещал ротмистр.

– Ну, будь по-вашему, ладно. Значит, вас заменит сержант?

– Да, вы ж его знаете, он толковый человек. А меня не зарежут, это ж бургеры, я и не таких успокаивал. А сержанту я передам дела сейчас же.

– Напоследок скажите ему, чтоб командовал «сбор», пора собираться, кажется, святые отцы уже прикончили несчастного поросёнка.

Брюнхвальд встал, обошёл стол и вдруг обнял Волкова крепко и сказал:

– Спасибо вам, Иероним.

– Да-да, – отвечал кавалер растерянно, а сам думал: «Вот старый болван, радуется как ребёнок, ладно бы была стоящая баба, а то так – местная потаскуха, которую соседи забывают камнями, если им позволить. Хотя всё дело может быть в сыроварне».

Ротмистр ушёл, вернее, убежал даже, а Волков остался сидеть за столом с кружкой пива. И тут он вспомнил, что у него не так давно тоже была бабенка, которую местные считали шлюхой, и что ему даже пришлось проткнуть ляжку одному сопляку из-за неё на дуэли. Но то была благородная дама! Хотя тоже шлюха, как и вдова. Конечно, сравнивать хозяйку поместья и хозяйку сыроварни было нельзя, это разные женщины, хотя хозяйка сыроварни была чуть симпатичней. В общем, кавалер не пришёл к однозначному выводу, и позвал Ёгана.

– Звали, господин, – спросил тот.

– Сыч пришёл? – Спросил Волков.

– Нет, пьянствует на площади с мужичьём. Там его все угощают. Он вроде как палач!

– Собираться надо, а он пьянствует.

– Уезжаем?

– Да уж, быстрее бы, иначе разорит меня этот трактир. Скажи Максимилиану, чтобы доспех мой собрал. И коня пусть седлают, а ты сундук мой погрузи в большую телегу.

– Да, господин, – Ответил Ёган уходя.

– И Сыча найди, – вслед ему кричал кавалер.

– Да, господин.

Волков лежал на лавке у стола, сгибал и разгибал колено левой ноги и прислушивался к ощущениям, нога, вроде, и не болела, но всё равно не давала чувствовать себя хорошо. Долго согнутой была – болела, мёрзла – болела, в седле долго ехать – опять болит. Он сел на лавке, вздохнул, взял тяжёлую глиняную кружку, допил последние капли пива.

Суета отъезда. Верховые лошади уже осёдланы, тягловые впряжены в телеги. Солдаты пришли, стали таскать нехитрый скарб монахов, грузить его в возы, и тут случилась какая-то заминка. Кавалер не прислушивался к разговорам монахов и солдат и был удивлён, когда к нему подошёл монах из писарей и робко сказал:

– Господин, отец Николас просит повременить с отъездом.

– Чего? – Волков едва ли не подпрыгнул на лавке. – Что? Как повременить? Вы там в своём уме?

Он даже и мысли допустить не мог тут остаться, одна ночёвка в этом трактире обходилась ему в талер! Минимум в талер!

– Отец Николас просит предать, что отец Иона крепко занедужил. – Мямлил монах.

Но Волков его уже не слушал, рискуя заработать боль в ноге, он выбирался из-за стола, так быстро, что опрокинул кружку рукой. Пошёл в покои монахов. У двери покоев отца Ионы толпились братья монахи, он их растолкал бесцеремонно, вошёл в покои.

Там был и брат Иоганн, и брат Николас, его монах, брат Ипполит.

Лицо брата Ипполита было серьёзно, аж брови сдвинул, он сидел на краю кровати и держал за руку брата Иону. Тот был лицом сер. Глаза полуприкрыты, на вид он и не дышал даже.

– Что с ним? – Тихо спросил кавалер у отца Николаса.

– Хворь, он давно уже животом скорбен, – отвечал монах. – Ничего, отживёт ещё. Не первой.

– Кони осёдланы. – Напомнил кавалер. – Солдаты ждут.

– Подождут час-другой, как-никак, он прелат-комиссар. – Блаженно рассуждал отец Николас. – Как лучше станет, так и поедем, а, может, и до завтра подождём.

Кавалер взял под локоть юного лекаря и поволок его в коридор, там, чтобы никто не слышал, спросил:

– Есть у тебя снадобье какое, чтобы дать ему, пусть он в телеге лежит да хворает.

– Нет, господин, – отвечал брат Ипполит, – боюсь, что никуда его везти нельзя.

– Нельзя?

– Нельзя, кровь у него пошла. Боюсь, в дороге только хуже будет.

– Кровь, какая кровь? – Не понимал кавалер.

– Кровь пошла из заднего прохода, видно, кишка какая кровоточит. – Объяснял молодой монах.

– Нажрался поросятины, – зло сказал рыцарь.

– Отцы говорят, он один половину поросёнка скушал.

– Вот-вот, – кивал Волков, который постничал уже не первый день. – И что лошадей распрягать?

– Распрягайте, господин, – сказал монах.

Волков пошёл вниз, велел лошадей распрягать. А потом сел за стол и заказал себе жареной колбасы и пива. Больше он не постничал.

Монахи так и толпились у покоев отца Ионы, солдаты бездельничали на дворе, а он ел колбасу с пивом. А затем попросил себе пирог.

А через час прибежал молодой монах из писарей и сообщил ему, что отец Иона почил.

Глава 10

Тучное тело монаха не без труда шестеро солдат вынесли из покоев, положили в гроб, он уже к вечеру был готов, а гроб донесли до телеги. И повезли в церковь на ночь. Для чтения псалтыря и отпевания. Читать взялись братья усопшего, отец Иоганн и отец Николас, также с ним пошёл читать и какой-то местный поп.

А Волков сидел в трактире чернее тучи и надеялся, что утром толстого попа похоронят. И сидеть в этом проклятом городишке им больше не придётся. Он с содроганием думал, что попы затеют какой-нибудь траур на три дня, панихиду или траурную трапезу.

Единственное, что его утешало в этой ситуации, так это то, что изрядную зарплату Брюнхвальду платить уже не нужно. А, впрочем, если бы не эти изматывающие мысли о деньгах, он бы грустил. Отец Иона был неплохим человеком.

Так он и сидел мрачный, один за столом, пока не поднял глаз и увидел человека. Кавалер узнал его, это был слуга приболевшего барона.

– Что? – Спросил Волков. – Твой барон хочет со мной поговорить?

– Истинно так, господин. – Слуга барона кланялся.

– Скажи, зайду. Вечером.

Ему нужно было решать вопросы, вопросы эти были сплошь денежные, и их было много. А для этого он должен был точно знать, что будет дальше.

– Вечером. – Повторил он, встал и пошёл в церковь поговорить со святыми отцами.

Отец Иоганн заметил его, оторвался от чтения и подошёл к нему:

– Пришли отдать дань?

– Да, и спросить. Нужно ли будет готовить поминальный обед? Или еще какие-то ритуалы.

– Наш орден, наследник рыцарского ордена, и брата павшего мы провожаем пиром, даже во время поста. Но мы в курсе ваших затруднений, мы устроим пир у себя в монастыре, по приезду.

Кавалер кивнул и спросил:

– Нужно ли нам будет соблюсти дни поминовения, три или девять прежде, чем мы двинемся дальше?

– Двинемся дальше? – Удивился отец Иоганн. – Так как же мы двинемся дальше, если в комиссии нет прелат-комиссара? Нет, друг мой, мы возвращаемся. Дело закончено.

– Неужто вы не сможете заменить отца Иону?

– Да кто посмеет без благословения иерархов взять на себя крест сей? – отец Иоганн даже улыбнулся не к месту, – Нет таких храбрецов, чтобы без благословения, самопричинно, отважились Трибунал возглавить.

Вообще-то Волков одного такого знал, может быть, из-за такого он сейчас находился не в славном городе Ланне, а в этой дыре под названием Альк.

– Так что ж, мне распускать людей? – Спросил он.

– Конечно, иначе они вас разорят. Пусть добрые люди ступают домой. В Ланн. – Говорил монах. – А мы после похорон так тоже домой поедем.

«Вы все домой, в Ланн, а мне куда?» – думал кавалер, которому в Ланн нельзя было.

Впрочем, теперь он должен был отпустить солдат, иначе ему ещё и за следующий день пришлось бы им платить. И он, поклонившись праху отца Ионы, быстро прочёл молитву и поспешил обратно в трактир. Там он нашёл сержанта и сказал ему:

– Дел больше нет, сегодня последний день, что я вам плачу. Завтра идите домой.

– А когда будет расчёт? – Спросил один из солдат, что услышал их разговор.

У Волкова даже пятидесяти монет не было, он, конечно, мог заплатить им из своего золота, золотишко у него было в сундуке, но его он трогать не хотел, берёт на чёрный день. Были у него ещё кони и пара крепких телег, купленные в Ланне для похода за ведьмами, можно было расплатиться с солдатами после того, как продать всё это.

Но Волков тогда потерял бы на этом походе больше сорока монет.

Сорок монет. Это его жалование за почти полгода в гвардии. Он вздохнул и сказал:

– Может, сегодня, – и пошёл в трактир поговорить с бароном и узнать, что там у него за дело.

Барон словно ждал его, у него всё было готово. Как только Волков пришёл, тот отдал распоряжение подавать обед. Кавалеру тут же поставили кресло, налили вина. На стол положили скатерть. Барон ещё был слаб, но он цвёл и улыбался:

– Я молил Провидение, чтобы вы передумали.

– Провидение было жестоко. – Отвечал кавалер, вертя в руках красивый стакан с вином. – Насмешка его зла.

– Да, да, да, уж никак я не мог предположить, что смерть почтенного монаха, станет предложением нашей встречи. Но так уж было угодно небу.

– Видимо. – Нехотя соглашался Волков.

– И так, могу я надеяться, что секрет мой вы сохраните?

Кавалеру не очень-то хотелось знать секреты высокопоставленного вельможи, но он пришёл именно для этого:

– Я сохраню вашу тайну.

– Прекрасно, потому что тайна не совсем моя. – Барон улыбался, словно извиняясь.

«Я так и знал, тут замешан не только барон, а, может, и сам курфюрст Карл,» – подумал Волков. – «Зря я, наверное, лезу в это дело, обошёлся бы как-нибудь и без этих денег».

Да поздно уже было отказываться, фон Виттернауф продолжал:

– Наш человек, – он сказал «наш», и теперь кавалер не сомневался, что речь идёт о государственном деле, – должен был приехать сюда, в Альк, ещё месяц назад. Последнее письмо он написал мне из города Хоккенхайма, знаете, где это?

– Знаю, – Волков был в Хоккенхайме, стоял два дня, когда его герцог, старший де Приньи, у которого он служил в гвардии, остановился там после тяжёлого поражения, что нанесли ему и другим герцогам еретики при Мюлле. – Станный город, стен нет, сам длинный. Тем не менее, зовётся городом.

– Верно-верно, – соглашался барон. – Зовётся городом, хотя раньше это были деревни, пять больших деревень, что тянулись между большой рекой и большой дорогой. Потом они разрослись, и сейчас это богатый город, хотя и не имеющий стен.

Он помолчал, наблюдая за кавалером, но тот ничего не спрашивал, фон Виттернауф продолжил:

– Место это пренеприятнейшее, бургомистр умнейший и честный человек не покладая рук его вычищает, воров там казнят каждую неделю, но они всё равно стекаются туда отовсюду.

– Там ведь река Марта. – Вспоминал кавалер.

– Да, большая река, большие баржи, а севернее в неё впадает река Эрзе, а вдоль Марты идёт большая дорога, да ещё одна дорога идёт с юго-востока, от Вильбурга, и эта дорога идёт прямо в Хоккенхайм.

– Много купцов? – Догадался кавалер.

– Десятки, бургомистр говорил мне, что только барж у пристаней в день останавливается около десяти. А сколько мелких купчишек едет через город на север и на юг, одному Богу известно.

– Значит, и воров там хватает.

– Бургомистр говорил, что виселицы там не простаивают, а палачи зарабатывают больше кузнецов. И это ещё не всё, – барон остановился, чтобы отпить вина, – ещё там кучи паломников, все приезжают посмотреть на святую.

– На мощи?

– Да нет, не на мощи, – барон поморщился, – есть там какая-то старуха немая, чернь считает её святой, хотя никто её, конечно, не канонизировал, бургомистр запретил ей принимать этих дураков и гонит их прочь, а они всё равно едут. Хоть у дома её постоять, помолиться.

– В общем, город многолюден. – Резюмировал кавалер. – И я должен буду найти в нём вашего человека?

– Нет, думаю, нашего человека вы там не найдёте. – Невесело сказал барон. – Там купцы пропадают постоянно, принц Карл велел обер-прокурору и бургомистру устраивать там розыски, и не раз. Последний раз такой розыск был прошлым летом. По просьбе бургомистра был устроен большой розыск в городе после того, как пропал купец с большой казной. Бургомистр просил роту пехоты у принца, так своей стражи не хватало. Палачи и следователи работали неделю, много воров клеймили и рвали ноздри, двум рубили руки, двух колесовали, и ещё повесили дюжину, наверное, но ни купца, ни казну его не нашли. Купцы там испокон веков пропадают, а если не пропадают, то их там грабят, конечно, если без охраны они.

– Ну, раз вашего человека мне искать нет резона, что ж мне там искать?

Вот тут и пришло время рассказать о том, что нужно было держать в тайне, это Волков понял по паузе, что сделал барон, и по его долговому и внимательному взгляду, которым он мерил Волкова. И барон опять заговорил:

– Якоб Ферье был нашим лучшим другом, что работал на той стороне реки.

Волков знал, что на той стороне Марты начиналось герцогство Эргундия, а дальше и вовсе земли подлого короля, с которым императоры вели войну уже двадцать лет, воевали они, правда, только на юге.

«Значит, Якоб Ферье был шпионом». – Догадался кавалер.

– Он переправился через Марту и остановился в трактире «Безногий пёс». Оттуда написал мне письмо, в котором сообщил, что все, что нужно, у него. И как только он отдохнёт, выпится, то поедет в Альк. Он собирался выехать через день. Больше я не получал от него писем.

– Нужно отыскать, то, что у него было? Это ценная вещь? – Спросил кавалер.

– Никому из воров они даром не нужны.

– Бумаги? – Догадался Волков.

– Бумаги. – Барон глядел на него многозначительно.

– Никто не должен о них узнать?

– Никто не должен о них узнать. Иначе дому Ребенрее будет большой урон.

«Этот Якоб Ферье таскался где-то в землях подлого короля, и вёз оттуда бумаги», – размышлял кавалер, пока барон глядел на него и молчал. – «Бумаги эти могут нанести вред дому Ребенрее, если о них кто-то узнает. И кто же этот «кто-то»? Ответ очевиден. Это император. И что тогда в бумагах? Тоже очевидно. Переписка курфюрста Ребенрее, принца Карла, с королём Оранции. Курфюрст и король вели переписку за спиной императора!» – Кавалер поставил стакан на стол, стал растирать глаза ладонями, словно отгонял сон. – «Господи, за каким дьяволом я сюда пришёл? Нет уж, я не полезу в это дело за какие-то пятьдесят талеров, нужно вежливо сказать этому господину, что я занят и что дело не по мне. И уйти».

А барон словно мысли его прочёл, он чуть наклонился над столом, и, постукивая по нему пальцами в дорогих перстнях, заговорил:

– Друг мой, не забудьте, вы дали обещание хранить всё в тайне.

– Да, но я не давал обещания лезть в это дело.

– Но вы, как мне кажется, уже догадались, о чем идёт речь, так что вы уже влезли?

– Нет, нет, я ни о чём не догадался, и ещё никуда не влез. – Волков усмехнулся. – Завтра я уеду отсюда, и мы никогда с вами не увидимся. А о тайне можете не беспокоиться.

– Вы мне не поверите, – барон вдруг стал жёсток, – но именно сохранение тайны меня и беспокоит. И вот, что я скажу вам, кавалер, земля Ребенрее, на которой вы сейчас находитесь, может стать для вас не столь гостеприимной.

– Что ж, я уеду, раз земля Ребенрее будем ко мне негостеприимна.

– Нет, не уедете. – Сказал барон насмешливо.

– Не уеду? – Кавалер стал наливаясь знакомой ему упрямой решимостью. Он пристально глядел в глаза барона. – Кто ж меня остановит?

– Не нужно надуть щёки, кавалер, – сказал фон Виттернауф. – Оставьте это для заносчивых сопляков. Не я буду вас останавливать. А кое-кто посильнее.

– Да, и кто же это?

– Да вы сами кавалер, – засмеялся барон, – ваша жадность или ваше честолюбие. Кто-то из них. Вы же жадный, кавалер, жадный.

– Не жаднее других, – бурчал Волков.

– Жаднее, много жаднее, я о вас поспрашивал, кое-что узнал. Вы из тех солдат, что скопили денег на старость, много знаете вы таких солдат? Нет! Все старые солдаты бедны как церковные мыши. За небольшие деньги вы взялись за страшное дело, и сделали его, извели упырей. Пытали и жгли лютых ведьм. От вида которых другие теряли рассудок. А когда вам пообещали рыцарское достоинство, так вы в чумной город полезли. В чуму! Да ещё, уж не знаю как, заставили или уговорили людей с вами пойти. Я сам не трус, бывал в битвах и сражениях, но в чуму я бы не полез даже за графскую корону. А вы полезли и за меньшее. Что это было: ваше честолюбие или вы там пограбить собирались, я не знаю. Но вот предложить то, что вам нужно, то, что вы любите, я смогу.

– Деньги? – Спросил кавалер.

– Нет, денег у герцога нет. – Отвечал барон. – А вот земля у герцога есть.

– Земля? – Это меняло дело, Волков задумался. Теперь он уже не был так грозен и упрям. – Добрая земля никому, конечно, не помешала бы.

– Нет-нет, я не говорил про добрую землю с мужиками, земля, скорее всего, будет малолюдна и небогата. – Остановил его размышления барон.

– Да, и зачем она тогда мне? – Спросил Волков.

– Богатой вы свою землю сделаете сами, попозже, а вот приставку к вашему имени она вам даст сразу, как вам, например: кавалер Иероним Фолькоф фон Клеве или кавалер Иероним Фолькоф фон Вюзбах. Или...

Это было странное чувство. А ведь кавалер и вправду задумался. Кому-то это показалось бы смешным, но эти имена мест из уст барона звучали для него как волшебная музыка. Он, если честно, ещё получал удовольствие, когда его прилюдно величали божьим рыцарем, совсем не наскучило ему это. А тут ещё и эта чудесная приставка «фон». Да, и в правду, предложение барона было заманчиво.

– Ко всему, гарантирую вам в будущем расположение моё и канцлера земли Ребенрее, а, может, и самого курфюрста. Он забудет, что вы убили нечестно его любимца Кранкля.

– Я убил его честно. – Сказал Волков.

– Хорошо-хорошо, честно. – Не стал спорить барон. – Поймите. Вы войдёте в круг близких людей, что посвящены в тайны принца. А это ближний его круг. Об этом мечтают десятки рыцарей придворных.

– Так пусть эти десятки рыцарей и сделают дело, – продолжал сомневаться кавалер. – Зачем вам я?

– Эти десятки рыцарей могут легко зарезать кого-нибудь, встать во главе отряда или управлять крепостью, но для тонкой работы, для поиска и сыска, ни один из них не пригоден.

А вы всегда справлялись с подобными заданиями. Найдите бумаги, и дом Ребенрее будет вам благодарен.

– А если их уже нет?

– Убедитесь, что их нет.

– Как их искать? Кто подтвердит, что их нет? Какие доказательства их отсутствия вы примите?

– Не знаю, не знаю, не знаю, – отвечал барон, жестом подзывая к себе слугу.

Тот уже был готов, он подошёл и положил на край стола рядом с Волковым большой кошелёк.

– Это вам на расходы, пятьдесят талеров. Бумаги Якоб Ферье возил в плоской, кожаной сумке, простой и старой, потёртой. Вряд ли она кого-то из воров соблазнила. Последнее письмо он написал из таверны «Безногий пёс».

– А если я не смогу найти бумаги? – Спросил кавалер, поднимая со стола кошелёк.

– Никто вас не упрекнёт, мне будет достаточно вашего слова, что вы сделали всё, что могли. – Барон не настаивал, он просил. – Я прошу вас помочь нам, вы окажите большую услугу дому Ребенрее.

– Значит нужно найти эти бумаги, или убедиться, что они уничтожены, и сделать это нужно тихо.

– Об этих бумагах не должен знать никто, кроме вас. Никто.

– Хорошо, я попытаюсь, – сказал кавалер, пряча кошелёк. – Не знаю, найду ли ваши бумаги, не знаю, смогу ли убедиться, что их нет, единственное, что я могу вам обещать, так это то, что дело сохраню в тайне и сделаю всё что могу.

– Мне большего и не нужно, – сказал фон Виттернауф, он поднял руку, делая лакеям знак, – давайте уже обед, и вина ещё несите.

Барон был самой обходительностью, а посулы его и обещания были очень заманчивы. Уговаривать и убеждать он умел, не зря был он дипломатом.

Когда после отличного обеда с хорошим вином Волков спустился вниз, то нашёл там за одним из столов всех своих людей. Кавалер остановился около них и стал задумчиво их рассматривать. Он размышлял о деле, и думал, как объяснить своим людям задачу.

А Ёган, Сыч, Максимилиан и брат Ипполит молча ждали, пока он начнёт. Но Ёган не выдержал взгляда господина и заговорил:

– Никак опять что-то удумывают, – озабочено сказал слуга. – Опять дело какое замыслили.

– Откуда знаешь? – Спросил его Сыч.

– Взгляд у них злой, когда они что-то придумывают.

– Да у него всегда взгляд злой, – сказал Сыч. – Я нашего рыцаря, почитай и забыл, когда добрым видел.

Максимилиан и монах заулыбались. Но кавалер и не слушал их, он продолжал обдумывать что-то, и, наконец, заговорил:

– Сыч, а как найти вещь, что воры украли, а вещь эта вора не нужна?

– Так пойти по местам воровским, да посулить за вещь серебра. Коли вещь никому не нужна, так и не продали они её. Значит, вам её принесут, а вещицу можно будет и без денег отнять.

– Нет, – вслух размышлял Волков, – никто не должен знать, что вещь ищут.

– Ну, тогда, пойти в то место, где воровство было, поспросить людей местных, а после брать всех воров, и как следует поговорить с ними.

– Говорю же тебе, нельзя чтобы знал кто про розыск. А ты говоришь поспросить людей, да брать всех.

Фриц Ламме чесал горло небритое, смотрел в потолок, стал думать, а кавалер сел на лавку рядом с ним. Ждал. А Сыч всё чесал и спрашивал его:

– А у кого вещь-то уволокли?

– У купчишки одного, а купца, видно, убили. Вещь взяли, да деть её куда не могут, нам надобно найти её.

– Ну, так давайте найдём тех, кто взял её. – Предложи Ёган и, сжав кулак, добавил. – И спросим с них. Авось скажут.

– Дурень, так речь о том и идет, чтобы найти их. А как? И так найти, чтобы тихо всё было? – Говорил Волков чуть раздражённо.

Ёган вздохнул, замолчал, а Сыч произнёс:

– Есть один способ.

– Что за способ? – Оживился Ёган. – Говори уж, не тяни.

– Да просто всё, раз купчишку убили и вещь его забрали, так и поедем туда, где всё это было, а один из нас будет, вроде как, купец. Будет пить гулять, деньгами бахвалиться, воры авось на него и клонут, а мы заметим их и тихонечко возьмём. А потом в тихом месте спросим про купчишку, что сгинул, авось разговорим их. Может, и узнаем про вещицу.

Сыч замолчал. Волков посидел, немного обдумывая его слова, а потом улыбнулся, схватил Фрица Ламме за шею крепко, стал трясти его, приговаривая:

– Давно тебя повесил бы, да полезен ты бываешь!

Все тоже радовались, а Сыч больше всех, и стал просить:

– Раз полезен бываю, экселенц, так давайте пива выпьем, а то трактирщик нам боле не отпускает.

– Заказывай, – согласили Волков. И приговаривал задумчиво, – что ж, попробую быть купцом.

А монах сказал ему:

– Господин, вряд ли вас за купца кто примет.

– И то верно, – поддержал его Ёган, – какой из вас купец с такой-то рожей. Лицом. Вот за бандита вы бы сошли.

– Да, экселенц, купец из вас неважный. – Согласился Сыч.

– А из тебя важный? – Спросил чуть озадаченный кавалер.

– Не, я тоже никудышной купчина. А вот дурень наш деревенский будет в самый раз.

– Чего дурень-то? – Завёлся Ёган, сразу поняв, о ком идёт речь.

– Вылитый мелкий купчишка-жулик, – продолжал Сыч. – Его чуть приодеть да кошель ему побольше повесить, в кошель меди накидать, а сверху серебра, для показа, телегу ему с тюками дать. Вылитый купец-прохиндей будет.

– Сам ты прохиндей. – Говорил Ёган, но мысль о новой одежде в стиле купца делал его речь не столь резкой, как обычно.

– Ну, что ж, так и сделаем, – сказал кавалер, – пейте пиво, а потом идите, купите ему одежду, завтра выезжаем. Тут у нас дел больше нет.

В городе, во всех храмах, с самого утра били колокола. Настоятели местных храмов велели так провожать брата Иону. Его отпели за ночь, и на рассвете схоронили, народу было много, местные пришли поглазеть, как хоронят страшного попа, того, что выносит приговоры. На кладбище ему нашли хорошее место, и, так как ветер нагнал тепла с юга, последний лёд потаял, грязь было по колено. Но, слава Богу, схоронили.

Волков попрощался с отцами-инквизиторами, и отец Иоганн, и отец Николас простились с ним тепло, заверяли в любви и обещали хлопотать за него. А с солдатами он рассчитался ещё вечером, велел им идти домой пешком, коней им не дал, и серебра, что причиталось Брюнхвальду, тоже не дал. Наказал ему продать лошадей и сёдла, которые теперь стали не нужны,

и с них взять свою долю, а всё, что сверху, привезти ему. Он по секрету сообщил ротмистру, куда направляется. А ехали он в Хоккенхайм по какому-то делу, о котором кавалер ротмистру не сказал. Ротмистр обещал быть там, как только дела позволят.

Глава 11

Ёган был горд своей ролью, одежду и башмаки ему купили новые, хорошие, купили берет. Мужик – берет! От него он и вовсе счастлив был. Ещё купили десяток мешков с бобами и чечевицей, чтобы пустым не ехал. Теперь он гордо восседал в телеге на мешках, да ещё покрикивал на мужиков, что мешали ему ехать.

Волков, Сыч, Максимилиан верхом и брат Ипполит в телеге ехали в половине мили за ним. Как-бы не с ним, но из виду его не выпуская. А кавалер ещё вёз письмо от барона фон Виттернауфа к бургомистру Хоккенхайма фон Гевену.

От Алька в Хоккенхайм вели две дороги. Одна на север до Фёренбурга, а от него на запад – длинная. Вторая короче, просто на северо-запад через Вильбург. В Вильбург кавалеру ехать не хотелось, там он мог встретить епископа, который, по слухам, был на него зол и грозил ему карой. Но в Фёренбурге его и вовсе грозились колесовать, голова магистрата или бургомистр, кто точно, Волков не знал, сам приезжал в Ланн и просил его выдачи и возврата драгоценной раки. Так, что лучше уж Вильбург.

Через Вильбург и поехали, проехали его благополучно, и через четыре дня, к вечеру, почувствовали запах реки и увидели на западе большой город. Без стен и башен, но с хорошими домами и крепкими фермами вдоль дороги. Такими крепкими, словно тут никогда не было войны, и их никто не грабил. Рядом с фермами лошади и коровы паслись сами, без пастухов. Странно это было, ведь барон рассказывал, что город облюбовали воровские банды и что палачи зарабатывают тут больше кузнецов.

– Богато живут, – говорил Сыч, оглядывая местность.

Ему никто не ответил, Волков глядел, как телега с Ёганом уже въезжала в город. Ёган ехал в трактир «Безногий пёс». Так было уговорено. Туда же поедет и брат Ипполит, чтобы Ёган не остался без присмотра. Но они будут делать вид, что не знакомы. А Волков, Сыч и Максимилиан найдут себе другое пристанище, тихое, и без лишних глаз. Где можно не спеша потолковать с непонятливым человеком, и поспрашивать у него, что да как.

Чем ближе город, тем больше на дороге возов и телег. А в самом городе и вовсе не толкнутся. Кто-то едет к пристаням на реке, кто-то от них. А кто-то и по большой дороге, что идёт вдоль реки. И повсюду: и у реки, и у дороги склады, склады, склады. И трактиры. Трактиры, постоялые дворы, таверны, харчевни с комнатами для тех, у кого есть деньги, и лавками для тех, у кого денег мало. И с конюшнями, и с местами для телег. В городе всё для гостей. Много кузниц, а у реки немало лодочных мастерских. Ёган, изображая из себя купчишку, спрашивал местных, и те указали ему трактир, что звался «Безногий пёс». А монах просто ехал за ним, да волновался, как бы в толчее городской не потерять Ёгана из вида. А уж за ними ехал Волков и Сыч с Максимилианом. Они были верхом, всё видели и проводили Ёгана и монаха до самого въезда на двор трактира. Убедились. Сами поехали на север искать тихое место. Пока город не закончился, так его и не нашли. А вот уже за городом, у реки, стоял большой двор на отшибе. У двора раскрытые ворота, а у ворот стоял крепкий мужик в простой одежде и старой несуразной шапке. Мужик, хоть и неказист был, но вёл себя по-хозяйски. На проезжающих смотрел с достоинством. Сыч сказал:

– Поговорю с ним, сколько денег посулить?

– Много не обещай, – говорил кавалер, заглядывая в распахнутые ворота.

На дворе лежали хорошие брёвна, аккуратно сложенные. Доски, бурс и лодки, совсем свежие. Не смолёные ещё.

Сыч долго говорил с мужиком, а вернувшись, сказал разочарованно:

– Дурень, говорит, что постояльцы ему не нужны. И денег не хочет брать, говорит, что руками деньгу зарабатывает достаточную. А больше ему не надо.

Волков видел через забор большие сараи и понимал, что именно такое место ему нужно. Он слез с коня, думал, что мужик заносчив и говорить с ним с коня – выказывать своё высокомерие, а тут нужно было польстить лодочнику.

– Добрый день, тебе, – сказал он, подходя к мужику.

– И вам, господин, – с уважением говорил хозяин.

– Меня зовут Фолькоф, я рыцарь божий, здесь по делу вашего герцога.

– Пусть делятся дни принца Карла. – Сказал мужик. – А меня зовут Клаус Венкшоффер, я лодочный мастер.

– Мне необходимо место, и твой дом мне подходит, – он достал три талера из кошелька и протянул их мужику, – всего неделю или две, со мной будут люди, но нам подойдёт и сарай.

– А что ж за дело у вас, господин? – Спрашивал мастер, но деньги не брал.

– Волноваться тебе не о чем, мы не разбойники и не воры.

– По вам видно, что вы не вор, не то, что по вашему человеку, что первый подходил. – Говорил мужик не спеша. – Значит, дело герцога? А что ж за дело?

– Дело такое, что знать никому о нём не нужно. – Волков так и держал деньги перед ним.

– Ну что ж, – мужик глянул на Максимилиана и Сыча, – раз вы люди принца, отказать я не могу, – он взял аккуратно деньги с руки кавалера, – это за неделю, не то, чтобы денег у меня не было, я беру потому, как порядок должен быть во всём.

– Мне нужен сарай, в который никто совать носа не будет. – Говорил Волков, а сам проклинал себя, думая, что нужно было давать два талера.

– А никто и не будет, один из моих работников уехал к родственникам, а второй вчера руку повредил. Мы тут с моей старухой одни. Дочь к нам по субботам приходит, а сыны так и вовсе редко.

– Пойдем, покажешь сарай, – сказал кавалер.

– У меня есть пустой один, я там доски хранил. Крепкий сарай.

Они пошли пешком вглубь огромного двора мимо недоделанных баркасов и лодок, Максимилиан поехал за ними, вёл в поводу коней, а Сыч вошёл во двор последний и закрыл ворота. Он уже чувствовал себя как дома.

Волкову Ёган-купец не нравился, уж больно разухабистый он получался, нарочитость так и лезла из этого крестьянина. Всё было ненатурально в нём: и оскорбительная манера звать разносчика, и дурная манера кидать деньги на стол. Но ничего посоветовать ему кавалер не мог. Они только наблюдали за ним с Сычом, а Сыч так и вовсе бранил Ёгана. Тот за столом сидел с местной шлюшкой, бабёнка уже успела прилипнуть к нему. Грудастая, не худая, не Бог весть что, но аппетитная. Совсем не старая. Волосы чёсаны, сама и платье чистые. Девка кланчила пиво, Ёган ей покупал, она ластилась к нему, просила есть, Ёган ей покупал. Но вот заметил Сыч, то, что было удивительно, в битком набитом зале, не было больше стола, чтобы за ним было хоть пару свободных мест. А Ёган с девицей сидели за большим столом вдвоём, длинная лавка с другой стороны стола так вовсе была пуста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.